

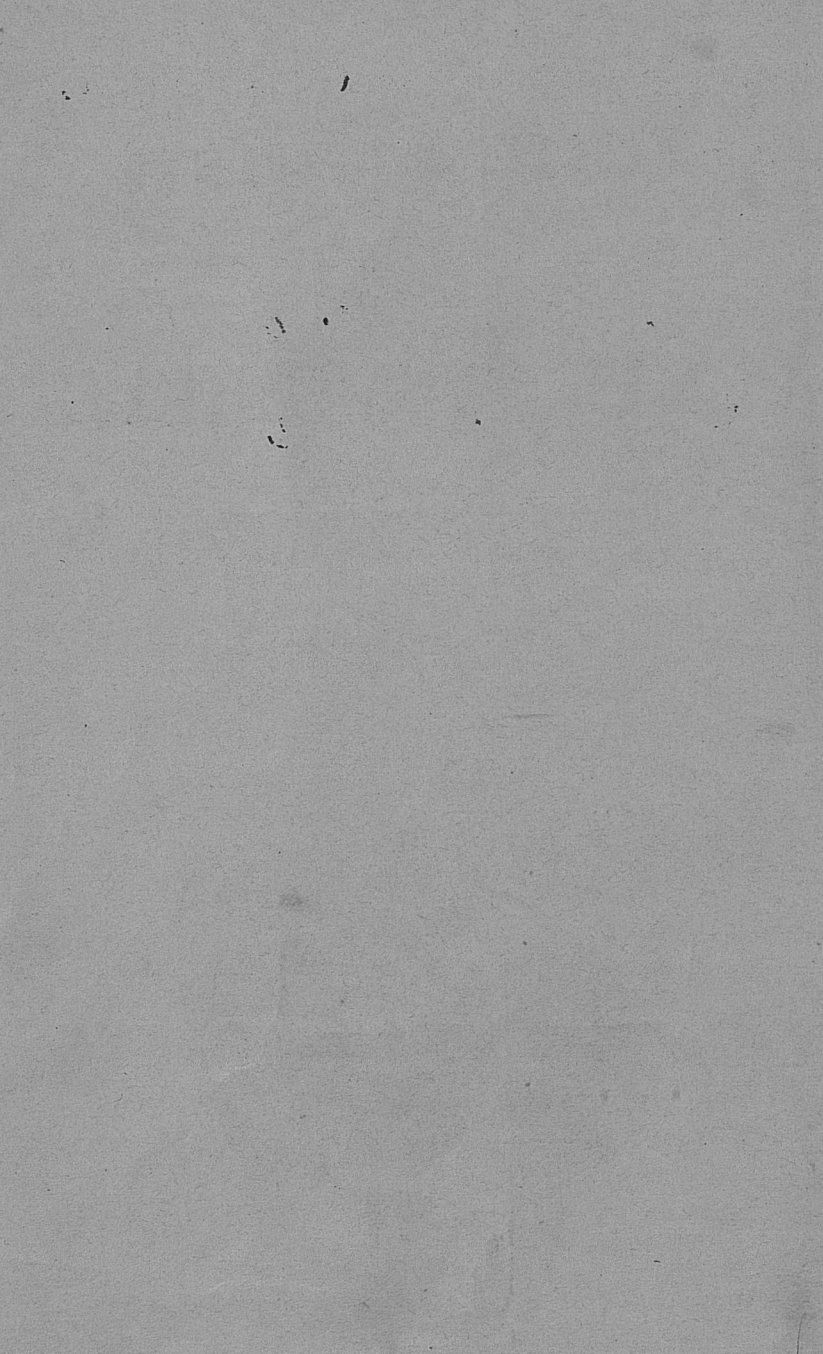
ОИК

дет. необр.

~~812 7/16~~

генер.
необр

РАЗСКАЗЫ СТАРУШКИ

О Б Ъ

ОСАДЪ СЕВАСТОПОЛЯ.

СЪ ТРЕМЯ ПОРТРЕТАМИ.

Т. Толычевой.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1881.

Гос. Историц. Научн. Б-ра

Ф. 12

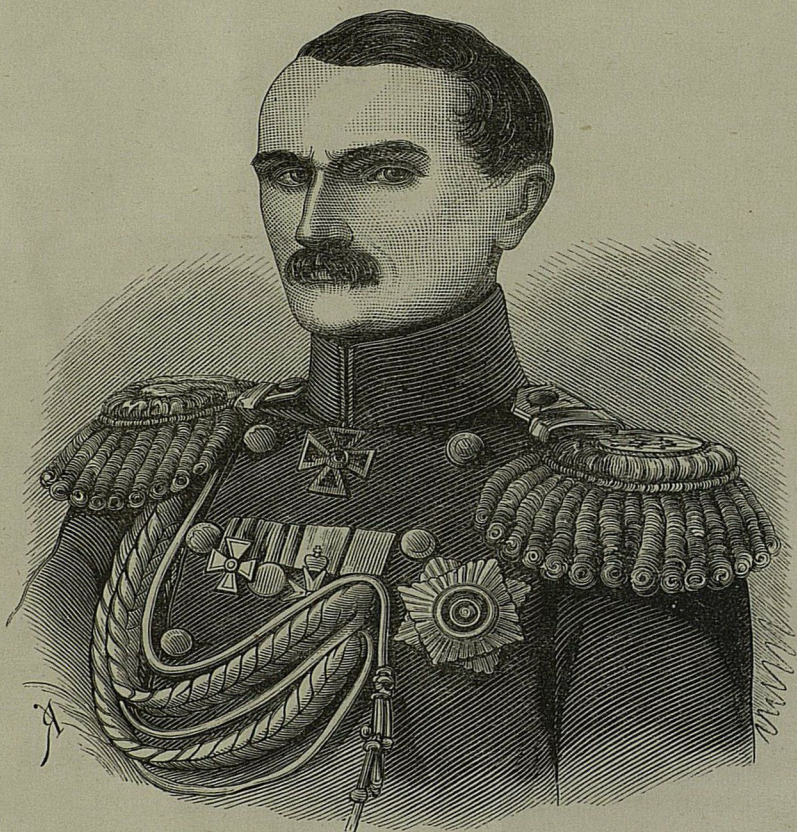
Иер.

304909

172 2.

Владиміръ Алексѣвичъ Корніловъ.

РАЗСКАЗЫ

СТАРУШКИ ОБЪ ОСАДѢ СЕВАСТОПОЛЯ.

„Ляжимъ востыми ту, мертвыи бо
срама не имуть“.

Слова Святослава Игоревича.

Вечеръ I.

Стоитъ недалеко отъ уѣзднаго города Н***, Московской губерніи, постоянный дворъ. Его долго содержалъ старикъ, да умеръ лѣтъ двадцать шесть тому назадъ, и отказалъ его племяннику. Племянникъ этотъ жилъ въ Севастополѣ, гдѣ былъ матросомъ нашего Черноморскаго флота, и не скоро могъ принять наслѣдство, потому что мы вели тогда войну. Севастополь былъ въ осадѣ и отпуска никому не давали. Да еслибъ и давали, никто его не попросилъ бы, чтобъ передъ товарищами не осрамиться. Придетъ ли въ голову военному человѣку въ военное время на печи лежать?

Когда заключили миръ, матроса отпустили совсѣмъ въ отставку, и пріѣхалъ онъ въ городъ Н***

съ женою да съ сыномъ лѣтъ восьми. Старый хозяинъ постоялаго двора былъ несговорчивъ и нелюдимъ, и его не долюбивали, а новымъ,—звали его Ефимъ Петровъ,—никто нахвалиться не могъ. И жена его, Анна Демидовна, была такая добрая да привѣтливая, и жила съ нимъ душа въ душу. Да простудился онъ что-ли какъ-то осенью, занемогъ, а Рождественскимъ постомъ отвезла его Анна на кладбище. Горько она плакала о своемъ покойникѣ. Опять же трудно ей было съ хозяйствомъ справиться, однако Господь помогъ, а тутъ сынъ подросъ да женился, и бабенка-то, спасибо, хорошая попала. Анна сдала хозяйство своему Иванушкѣ и его женѣ, а сама стала нянчить внучатъ, присматривала за птичнымъ дворомъ, да огородомъ и обзавелась прялкой. Вѣдь не видать какъ время-то идетъ: теперь ужъ и внучата подростаютъ, ходятъ въ школу и выучились читать. Вотъ разъ они принесли домой книжку и говорятъ Аннѣ:

— Бабушка, читали мы, какъ старушка рассказывала про 12-й годъ, да про Бонапарта, что Москву полонилъ. Собирались къ ней молодые ребята по вечерамъ и слушали. Вотъ и ты бы намъ рассказала, какъ Французъ съ Англичаниномъ Севастополь-то брали. Вѣдь ты этимъ временемъ тамъ жила и, небось, объ немъ помнишь.

— Кто этимъ временемъ жилъ, дѣтки, тотъ его не забудетъ, отозвалась Анна.—Опять же мой покойникъ все дѣло мнѣ пояснялъ и сколько читалъ мнѣ объ этомъ книжекъ; да рассказывать-то я негоразда. Вотъ онъ—дѣло другое. Станетъ, бывало, про эту самую войну сказывать, либо какъ онъ

ходилъ по бѣлу свѣту на своемъ кораблѣ, да объ морскихъ чудесахъ, такъ слушаешь его, не слушаешься.

А дѣти все пристають: Расскажи да Расскажи, а тамъ и невѣстка говорить:

— И точно, матушка, рассказала бы ты. Всегда мнѣ любо, когда ты объ этомъ времени говоришь. А мой хозяинъ былъ въ ту пору еще махонькій, словно, говорить, во снѣ помню. И онъ послушаетъ.

— Ну, ладно, говорить Анна, а ужъ вѣстимо, коли рассказывать, такъ не теперь; что тебѣ, что Иванушкѣ—недосужно, а подойдетъ вечерокъ—какъ съумѣю, такъ и расскажу.

Старшій-то внучекъ, Николка, говорить:

— Скажемъ мы въ школѣ, бабушка, что ты рассказывать будешь, такъ придутъ охотники тоже послушать, и можетъ кто запишетъ твой рассказъ, какъ записали „Рассказы старушки о 1812-мъ годѣ“.

Разсмѣялась Анна.

— Охъ, ты, говорить, шутникъ! Запишетъ, вишь, кто мою болтовню!

Вечеромъ пришли гости. Иванова хозяйка,—звали ее Дарьей,—поставила на столъ орѣховъ да бубликовъ, чтобъ веселѣй было слушать, принесла свою работу—красную рубашку, что шила для мужа, а самъ Иванъ усѣлся на лавкѣ. Взглянула на нихъ Анна, покачала головой и молвила:

— Вишь, и вправду посидѣлки устроили, точно какую мастерицу пришли послушать, а я не знаю, какъ и къ дѣлу-то приступить. Ну, что набредетъ на языкъ, то и сказывать буду, а коли нескладно выйдетъ, такъ не взыщите.

— Былъ у насъ, дѣтки, свой домъ въ Севастополѣ, а построенъ Севастополь у Чернаго моря. Кто къ морю привыкъ, тому ужъ безъ него не житье: такъ къ нему и тянетъ. Долго я скучала, когда мы сюда переѣхали, а объ моемъ покойникѣ и говорить нечего: все-то онъ тосковалъ по своему кораблю. Сладко мы засыпали подъ шумъ морской волны, словно она насъ убаюкивала своей пѣсенкой, и любо-дорого, бывало, смотрѣть на пестрые флаги, когда корабли стоятъ у берега. А отплывутъ они куда въ дальніе края, да разбушуетъ море, зареветъ какъ звѣрь, подымутся волны что горы, а мы, матроски, подумаемъ о мужьяхъ, и страхъ насъ разберетъ. Затеплишь, бывало, лампадку передъ иконами и станешь на молитву; иной разъ, во всю ночь не сомкнешь глазъ. Ужъ за то, какая радость, когда ждутъ нашихъ кораблей, да сбѣжимся мы всѣ на пристань мужей встрѣчать, и ребятишекъ съ собой приведемъ, да вдругъ увидимъ издали знакомые паруса! А теперь вспомнить больно о родимомъ городѣ: раззорили его, и флота нашего не стало.

Одинъ берегъ Чернаго моря принадлежитъ намъ, Русскимъ, а на другомъ берегу стоитъ Турецкое государство. У турецкаго султана нѣсколько милліоновъ православныхъ подданныхъ, и сталъ онъ ихъ притѣснять. Покойный императоръ Николай не хотѣлъ отдавать ихъ ему въ обиду. Царь свое, а султанъ свое. Былъ отправленъ къ нему нашъ посолъ, толковалъ съ нимъ, толковалъ, а пути все-таки не добился.

Помню я, какъ прошелъ слухъ, что будетъ у

насъ война. Радовались мушчины. Вѣстимо, имъ бы только потѣшить молодецкое сердце, а намъ, женщинамъ, великое было горе, какъ вздумаешь, что придется своихъ-то подъ вражьи пули провожать. Оставалась я тогда дома одна, съ Иванушкой; мой Ефимъ Петровичъ гулялъ по морю на своемъ кораблѣ, а былъ у нихъ начальникомъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

Я его до сихъ поръ на молитвѣ поминаю. Ужъ то-то добрая была душа! Всякаго-то онъ, бывало, найдетъ ласковымъ словомъ. Его даже и малые дѣти знали въ Севастополѣ. Матросы не величали его никогда: „ваше превосходительство“, просто звали: Павелъ Степановичъ, а за глаза: нашъ Нахименко.

— Матушка, заговорилъ Иванъ, вѣдь я его помню. Игралъ я разъ пескомъ у пристани, а онъ прошелъ, погладилъ меня по головѣ, спросилъ, какъ меня зовутъ, и далъ двугривенный на пряники. Вѣдь ужъ онъ, помнится, былъ не молодъ.

— Ужъ весь сѣдой былъ, отозвалась Анна, сутуловатый, тучный, и таково ласково глядѣлъ. Горячій былъ. Вспылить на кого, такъ раскричится, что хоть святыхъ вонъ выноси, да грозень былъ сонъ, а милостивъ Богъ. Разъ осерчалъ онъ на моего Ефима Петровича, пушилъ его, пушилъ, да вдругъ ни съ того ни съ сего: а ты, говорить, давно ли во флотъ поступилъ? да женатъ ли? да много ли у тебя дѣтей? и сталъ съ нимъ разговаривать. Матросамъ - то онъ былъ что отецъ родной.

Дали ему знать, что мы начинаемъ войну про-

тивъ Турокъ. Ужъ воевалъ онъ съ ними лѣтъ двадцать пять передъ тѣмъ и не вспомнилъ себя отъ радости, что пришлось стариной тряхнуть. Онъ собралъ свою команду, поздравилъ ее съ походомъ и отслужилъ молебенъ. Скоро увидали съ нашихъ кораблей непріятельскій флотъ. Стоялъ онъ около своего города Синопа, что лежитъ на морскомъ берегу. Обрадовались матросы, приготовились къ бою, и закипѣлъ бой. Перестрѣливались мы и съ Синопомъ, и съ турецкими судами. Мой покойникъ сказывалъ, что летѣли градомъ на насъ снаряды; пѣнились отъ нихъ волны и обгрялись кровью. Помогъ намъ Господь сладить со врагомъ: сожгли мы Синопъ, раззорили непріятельскій флотъ и много взяли турецкихъ флаговъ въ знакъ побѣды. Прогремѣли ребята: ура! а Нахимовъ словно помолодѣлъ отъ радости и на другой же день пустился опять восвояси.

Сбѣжались мы всѣ, отъ мала до велика, къ пристани, своихъ родненькихъ встрѣчать. Только и толку послѣ того было, что о нихъ, и даже на улицахъ останавливались знакомые—незнакомые и рассказывали другъ другу, что нашъ Павелъ Степановичъ разбилъ враговъ, и что царь пожаловалъ ему Егорьевскій крестъ въ награду и приказалъ эту славную битву назвать Синопской битвой.

Счастливо началась война съ Турками, а кончилась горько. Царь послалъ на нихъ свои войска за Дунай. Тамъ удачи намъ не было: главнокомандующій былъ раненъ, толку никакого не вышло, и приказалъ императоръ войскамъ вернуться. За Турокъ стояли Французы и Англичане; сначала

держали ихъ руку въ переговорахъ съ Русскимъ посломъ, а ужъ тамъ стали прямо готовиться къ походу на насъ, и война была объявлена.

Да вотъ въ чемъ бѣда: ничего не было у насъ приспособлено къ войнѣ—не успѣли мы запастись такимъ оружіемъ, какое было у непріятелей, ружья наши были стары, да и мало ли въ чемъ мы нуждались, а на скорую руку всѣмъ не обзаведешься. Опять же желѣзныхъ дорогъ выстроили у насъ тогда не много; отъ Севастополя онѣ были за тысячу слишкомъ верстъ, а по нашимъ столбовымъ не легко проводить полки, да перевозить пушки, а ужъ и подавно въ распутицу. А у непріятелей-то все было подъ рукой: имъ все доставляли моремъ. Ихъ флоты собрались около Турецкаго берега. Кромѣ морской силы, они подвезли на своихъ судахъ сухопутную армію, и стали подходить къ намъ.

Верстахъ въ десяти отъ Севастополя стоитъ маленькій городокъ,—Балаклава. Какъ теперь помню, передъ самымъ Семеновымъ днем *) дали оттуда знать, что появились на морѣ двадцать пять непріятельскихъ кораблей. Ну, думаемъ, не Богъ вѣсть какая еще сила! Прошелъ какой-нибудь часочекъ и къ намъ опять вѣсточка, что ихъ пятьдесятъ. Тамъ говорятъ: сто. А ужъ къ вечеру оказалось ихъ видимо-невидимо.

Приуныли у насъ, нечего сказать: вѣдь не даромъ говорится, что сила соломѣ ломить. А послѣ Семенова-то дня узнали мы, что непрошенныя гости высадились на нашъ берегъ, только не тамъ, а

---

*) Симеона Столпника празднуютъ 1-го сентября.

верстахъ въ двадцати пяти къ сѣверу отъ Севастополя. Царь назначилъ главнокомандующимъ надъ арміей и надъ флотомъ князя Меншикова. Значить, онъ былъ надъ всѣмъ начальникъ, и вывелъ онъ въ поле войско, чтобъ встрѣтить непріятеля.

Была у насъ тогда въ городѣ круглая сиротка, дочь матроса; звали ее Дашей. Какъ вышелъ войску приказъ готовиться выступать, пришла она ко мнѣ и говоритъ:

— Должно великое будетъ кроволитіе, и мнѣ, Демидовна, вотъ что Богъ на сердце положилъ: похожу я за нашими ранеными. Продамъ все добро, что мнѣ послѣ матери досталось, куплю лошадь и поѣду за войскомъ. Кому Господь приведетъ, тому и помогу.

А я говорю: „Да нешто тебѣ, Даша, не страшно? — Чего жъ, говоритъ, бояться? Авось Богъ не оставитъ. Вѣдь я не дурное какое дѣло задумала, а убьютъ меня, помяни мою грѣшную душеньку на молитвѣ.“

Какъ я ее ни отговаривала, поставила она на своемъ: на другой же день все свое добро продала за двадцать рублей, да взяла еще въ придачу матросскую куртку, одѣлась въ нее, обрѣзала свою косу, купила лошадь, да еще котомку и наложила въ нее тряпокъ. Когда выступило наше войско, Даша сѣла верхомъ и поѣхала за нимъ.

Помолчала немного Анна Демидовна, а потомъ молвила:

— Довольно на первый-то разокъ, дѣтки. Доѣдайте орѣхи и расходитесь по домамъ, а если не наскучила я вамъ своей болтовней, то милости просимъ завтра.

Вечеръ II.

Когда всѣ собрались слѣдующимъ вечеромъ на постоянный дворъ, Анна Демидовна сѣла къ своей прялкѣ и присучила оборванную нитку. Веретено стало прыгать и жужжать подъ рукой старушки, и она начала свой рассказъ:

— Говорила я вамъ вчера, что князь Меншиковъ вывелъ наше войско на враговъ. Въ самый день Рождества Божіей Матери *) поздняя обѣдня отошла, и стала ужъ работница обѣдь собирать, а мы сидимъ на крылечкѣ, и сосѣдка къ намъ подошла да тутъ же присѣла. Вдругъ словно громъ загудѣлъ вдали. Смотримъ: облака нѣтъ на небѣ, и солнце свѣтитъ такъ весело, а громъ все гремитъ. Ефимъ Петровичъ прислушался, перекрестился и молвилъ:

— Это пушки гудятъ: битва началась.

Такъ меня и обдало. Чуяло сердце бѣду, и не даромъ. Не въ добрый часъ вступили наши въ бой. Они сошлись съ непріателемъ на рѣкѣ Альмѣ — потому и называется эта битва Альминской. Считалось въ нашей арміи тысячъ тридцать, а непріатели двинули на насъ болѣе шестидесяти. Бой кипѣлъ около морскаго берега. Тѣснилъ насъ врагъ лицомъ къ лицу, а сотни пушекъ гремѣли съ его кораблей. Бодно шли наши на смерть. Крикнуть они: ура! бросятся впередъ подъ перекрестнымъ огнемъ и лягутъ ряды за рядами. Цѣлыхъ четыре

---

*) 8-го сентября.

часа ревѣли пушки и падали наши. А ужъ тутъ пришли полки въ разстройство; совсѣмъ-то они были истомлены, разбиты, и начали отступать.

Нагрузили цѣлыя фуры ранеными, а всѣхъ захватить не успѣли. Больше пятисотъ человѣкъ остались на полѣ битвы. Непріатели позаботились сперва о своихъ. Да былъ въ англійскомъ лагерѣ добрый человѣкъ, настоящій христіанинъ, и вспомнилъ о страдальцахъ. Потребовалъ онъ сухарей да воды, взялъ съ собой солдатъ и сталъ обходить ряды нашихъ. Когда стемнѣло, онъ велѣлъ зажечь фонари и все ходилъ отъ одного къ другому. Которые были въ памяти, хотѣли сказать ему спасибо, да по русски-то онъ не понималъ. Потомъ былъ къ нимъ приставленъ докторъ, и помощника ему дали. Они вдвоемъ ходили за несчастными, а дня черезъ три отнесли ихъ на корабль, отправили въ Одессу и сдали тамошнему губернатору.

А мы въ Севастополѣ все слушаемъ да слушаемъ пушечную пальбу. Послѣ вечерни она стала затихать, потомъ совсѣмъ умолкла, а вѣсточки намъ все-таки нѣтъ. День-то тянулся словно годъ. Вечеромъ мой покойникъ пошелъ провѣдать, не слыхать ли чего. Какъ онъ вернулся, я взглянула на него, да такъ и всплеснула руками; лица на немъ не было. „Родимый мой, говорю, что случилось?

— Разбили, говоритъ, насъ,—а у самого голосъ такъ и дрожить.

Я заплакала, и сидимъ мы, молчимъ. Вдругъ онъ молвилъ:

— Полно ревѣть-то, надо дѣло дѣлать. Нашихъ

раненыхъ привезутъ; можетъ помощь понадобится, пойдѣмъ. Возьми что есть тряпокъ на перевязку, да кружку для воды; раненому вода дороже всего.

Захватила я наскоро, что онъ велѣлъ, и пошла за нимъ. Весь Севастополь былъ на ногахъ; всѣ спѣшили на большую дорогу. Ночь была темная. Лишь только вышли мы за городъ,—видимъ: ужъ тамъ столпился народъ, и горять на землѣ фонари. Стоимъ, ждемъ. Никто словомъ съ соседомъ не перекинется, только слышишь, нѣтъ нѣтъ, да около тебя кто-нибудь всхлипываетъ. Вдругъ загремѣли колеса вдали; подняли фонари, и толпа двинулась впередъ. Фуры остановились. Какъ стали выгружать раненыхъ, да они застонали, и зарыдалъ народъ,—видитъ Богъ, дѣтушки, не такъ горько бываетъ на похоронахъ.

Цѣлую ночь переносили страдальцевъ въ госпитали и въ помѣщенья, что для нихъ приготовили. Всякій помогалъ, чѣмъ могъ. Было ужъ свѣтлехонько, когда мы вернулись домой. Пора бы отдохнуть, да ни отдыхъ, ни сонъ не шли на умъ.

Князь Меншиковъ въ Севастополь не вернулся, а съ войсками своими ушелъ къ сторонкѣ, чтобы лучше въ порядокъ ихъ привести, да подкрѣплений пообождать. Непріятель намъ грозилъ и съ моря, и съ суши. Чували мы, что не устоятъ намъ противъ его напора. Армія его была вдвое сильнѣе нашей, а несмѣтные его корабли подходили къ намъ, что лѣсъ дремучій. Надо было себя огородить хоть съ одной стороны.

Море входитъ въ Севастополь полосой; въ ней верстъ шесть длины, а ширины верста. Эти мор-

скія полосы, что входятъ въ земли, называются бухтами. Севастопольская бухта разрѣзаетъ городъ на двѣ половины, стало вражьи корабли не иначе, какъ этой бухтой могутъ добраться до Севастополя, а противъ нихъ мы устоять не могли. Оставалось одно: запереть бухту.

— Да ужъ я и въ домѣкъ не возьму, бабушка, сказалъ Миша, второй внучекъ старушки, какъ же это бухту запереть?

— Гдѣ тебѣ въ домѣкъ взять, дитятко? Да начальники были похитрѣй насъ съ тобой, и придумали. Рѣшились они на горькое дѣло, да надо было, во что бъ ни стало, преградить врагамъ путь къ Севастополю. Павелъ Степановичъ былъ вице-адмиралъ и командовалъ половиною флота, а былъ еще вице-адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, только службою помоложе. И въ немъ моряки души не знали. Вы его имя запомните, дѣтушки: горячо любилъ онъ матушку-Россію и сложилъ за Севастополь свою головушку. Князь все еще стоялъ тогда съ арміей не далеко отъ города, выписалъ онъ къ себѣ Владиміра Алексѣевича и приказалъ ему перевести матросовъ на укрѣпленія, чтобъ они тамъ служили, да поставить нашъ флотъ въ бухту, а чтобъ непріатели не могли въ нее войти, затопить у ея входа нѣсколько изъ нашихъ старыхъ судовъ.

— Да почему же непріатели не могли бы подойти съ своими кораблями, если затопить суда, бабушка? спросилъ Николка.

— А когда ты въ лодкѣ плывешь по Москвѣ-рѣкѣ, такъ небось лодочникъ минуетъ камни: они

не пропустятъ лодку. Точно также, если въ морѣ потопятъ суда, они другихъ кораблей не пропустятъ. Понялъ?

— Понялъ, бабушка. Да зачѣмъ же наши-то корабли въ бухту поставили? Стало ужъ и имъ изъ бухты нельзя было выйти?

— Для того ихъ въ бухту поставили, чтобъ непріятель со всей своей силой напасть на нихъ не могъ. А начальство такъ рассуждало: если Господь поможетъ избавиться отъ враговъ, то мы вытащимъ потопленные-то суда, и гуляй опять нашъ флотъ по морю. Опять же хотѣлъ главнокомандующій, чтобъ у насъ на укрѣпленіяхъ лишніе люди были, да чтобъ не погибъ флотъ нашъ даромъ. А Корнилову все еще думалось попытать счастье, и дрогнуло сердце моряка отъ словъ князя. Легко сказать: запереть нашъ флотъ! Словно ужъ некому вести его на враговъ, словно онъ ужъ забылъ о Синопской битвѣ! Потопить старыя суда! Да у кого-жъ подыметъ на нихъ рука, когда они столько лѣтъ гуляли по морю съ нашими удалцами! А морякамъ-то сердечнымъ каково разставаться съ своими кораблями! Моряку, что рыбакъ, не живетъ на землѣ.

Не отозвался Корниловъ князю, а поѣхалъ домой и собралъ совѣтъ.

— Анна Демидовна, спросилъ рыжеватый мальчикъ, какъ же это онъ совѣтъ собралъ? Я этого слова не слыхивалъ.

— А я знаю, что такое совѣтъ собрать, сказалъ Николка, я читалъ въ „Разсказахъ старушки о 12-мъ годѣ“. Когда надо въ военное время какое-

нибудь очень важное дѣло рѣшить, такъ начальникъ собираетъ главныхъ генераловъ, чтобъ всякій сказалъ, что у него на умѣ. Все равно, что у насъ мірская сходка. Ну, такъ чтожъ, бабушка, Владиміръ Алексѣвичъ собралъ совѣтъ?

— Собралъ, дитятко. Онъ думалъ, что если всѣ съ нимъ станутъ за одно, такъ князь вспомнить, что гласъ народа, гласъ Божій. И сталъ онъ уговаривать моряковъ, чтобъ они не унывали. „Выведемъ, говоритъ—нашъ флотъ противъ непріятеля и сразимся. А станетъ онъ насъ одолѣвать, взорвемъ порохомъ и его и наши корабли, и примемъ честную смерть, а не посраимъ себя.

— Экій удалый какой! крикнулъ Николка. А что жъ моряки то, бабушка?

— Вѣдь ужъ это у него съ горя, мой родимый, расходилось богатырское сердце, и многіе за него стояли, закричали: веди насъ! идемъ! А другіе то понимали, что коли погибнуть даромъ, то Севастополь безъ защиты оставятъ. И стали они говорить, что противъ рожна не пойдешь, что волей-неволей надо потопить корабли и запереть флотъ въ бухтѣ. Не вспомнилъ себя Владиміръ Алексѣвичъ, всталъ онъ и молвилъ: „Расходитесь и будьте наготовѣ; — я выведу корабли въ море, и мы помѣримся съ врагами.“

Отпустилъ онъ ихъ, поѣхалъ къ князю и доложилъ ему, что хочетъ вести флотъ на сраженіе. Главнокомандующій слышать объ этомъ не хотѣлъ и говорилъ, что можно все дѣло этимъ погубить, а Владиміръ Алексѣвичъ стоялъ на своемъ. Видитъ князь, что ничего съ нимъ не подѣлаешь, и

молвилъ: „Если такъ, то я вышлю васъ изъ Севастополя.“ Измѣнился въ лицѣ Корниловъ. „Мнѣ бы, кажется, говорить, легче на себя руки наложить, чѣмъ запереть флотъ и потопить корабли, а Севастополя я не покину, когда непріятель передъ нимъ стоитъ. Быть по вашему.“

А матросы-то ужъ про это дѣло провѣдали. Собрались они у пристани, смотрятъ на свои кораблики и думаютъ: отстоятъ ли ихъ нашъ Владиміръ Алексѣевичъ? А у самихъ всѣ сердца изныли. Вдругъ видятъ идетъ къ нимъ Владиміръ Алексѣевичъ. Мой покойникъ сказывалъ, что страсть было на него взглянуть: краше въ гробъ кладутъ. Бросились они къ нему, а онъ имъ молвилъ:

— Ну, ребятушки, дѣло рѣшено: простимся съ нашимъ флотомъ.

Потемнѣло у нихъ въ глазахъ отъ этого слова; которые даже заплакали. А онъ говоритъ:

— Не унывать, ребята, авось не оставитъ Богъ. Приказалъ онъ поставить флотъ въ бухту, а у ея входа семь старыхъ кораблей. Сперва сняли съ нихъ паруса, да военные снаряды, потомъ пробили имъ бока. Въ ночь три изъ нихъ были затоплены. Когда взошло солнышко, торчали изъ моря лишь голыя ихъ мачты. Тамъ пошли ко дну и три другихъ. А седьмой,—самый старый изъ всѣхъ, звали его корабль *Трехъ Святителей*,—долго еще томился, словно не хотѣлось ему принимать смерть отъ своихъ. Матросы глядѣли на него сквозь слезы и говорили: „Не черноморскимъ волнамъ топить его: волна отъ него бѣжитъ.“ А кто еще говорилъ: „Его охраняетъ невидимая сила,—можетъ

забытая на немъ икона, а можетъ не угодно тремъ святителямъ, чтобъ онъ погибъ. Кто-то изъ командировъ приказалъ дать по немъ залпъ, чтобъ его порѣшить. Зарыдали матросы, когда раздались выстрѣлы, а корабль сталъ мотаться по волнамъ, словно больной на своемъ одрѣ. Матросы прощались съ нимъ, что съ дорогимъ покойникомъ. Началъ онъ тихо спускаться въ море; набѣжали на него хрустальныя волны, и онъ пошелъ ко дну.

И теперь щемить сердце, какъ объ этомъ вспомнишь. Вѣдь и я бѣгала тогда къ пристани. Когда вернулись мы домой, поставила работница обѣдъ на столъ, а тебя, Иванушка, ужъ безъ насъ накормила. Я проголодалась и принялась за похлебку, а Ефимъ Петровичъ крохи въ ротъ не бралъ. Стала я его уговаривать, что нечего отчаиваться, и что Господь не безъ милости, а онъ говоритъ:

— Знать плохо наше дѣло, коли заперли мы нашъ флотъ—заковали багатыря, да собственными руками губимъ свое добро.

— Матушка, молвилъ Иванъ, а вѣдь у тебя слезы на глаза навернулись.

— Не мудрено, дитятко, отозвалась Анна, иная рана хоть и заживетъ, а дотронься до больного мѣста, отзовется.

Вечеръ III.

— Анна Демидовна, спросилъ на другой день рыжеватый мальчикъ, когда всѣ уѣлисъ около старушки,—а вы намъ про сиротку Дашу-то не досказали.

— Ну, поѣхала она верхомъ за войскомъ и, какъ началось сраженіе, остановилась неподалеку, привязала лошадь къ дереву и разобрала свою котомку. Лишь увидить Даша, что падетъ одинъ изъ нашихъ, то подбѣжитъ, перетащитъ его подъ дерево, если онъ еще живъ, и перевяжетъ его рану.

Послѣ битвы она вернулась въ Севастополь и попросила, чтобъ ей позволили ходить за ранеными въ госпиталяхъ. Услыхала про ея усердіе покойная царица Марія Александровна и прислала ей послѣ войны тысячу рублей да медаль и золотой крестъ. Господь не оставилъ сироты: она вышла за отставнаго матроса, а инвалиды сдѣлали складчину на икону Спасителя: кто далъ десять, а кто далъ пять копѣекъ, и благословили они Дашу къ вѣнцу. Можетъ она и до сихъ поръ жива.

Сказывала я вамъ вчера, дѣтушки, какъ мы огородили себя отъ непріятеля со стороны моря, да знали, что онъ и сухимъ путемъ на насъ нападетъ, а не было у насъ съ земли никакихъ укрѣпленій.

— Матушка, спросила Дарья, что такое укрѣпленія?

— Я тебѣ скажу, мама, отозвался Николка, вѣдь я и объ этомъ въ своей книжкѣ читалъ. Сдѣлаютъ земляную насыпь, поставятъ на нее пушку, и называется это батареей. Изъ-за насыпи солдаты стрѣляютъ, такъ что насыпь заслоняетъ ихъ отъ непріятелей. А когда настроютъ эти самыя батареи около одного мѣста, то это мѣсто крѣпко будетъ и не скоро непріятель его возьметъ. Потому и называется оно укрѣпленіемъ.

— Молодецъ Николка! сказала Анна, видно грамо-

та тебѣ въ прокъ пошла. Когда хотятъ городъ защищать отъ враговъ, то настроятъ около него эти укрѣпленія и не прямой стѣной, а идетъ она разными поворотами, да углубленіями. Выводятъ ихъ то полукруглые, то угловатые и называютъ эти углубленія да повороты разными именами: ба-стіонами, редутами, и мало ли еще какъ! А около всей стѣны идетъ снаружи широкій ровъ. Когда непріятель откроетъ очень сильную пальбу по этимъ укрѣпленіямъ, то это называется бомбардировкой.

Большаго надо мастерства, чтобъ устроить прочныя укрѣпленія, и не на всякомъ мѣстѣ удобно ихъ ставить. Говорила я вамъ, что бухта разрѣзаетъ Севастополь на двѣ половины, — на южную и на сѣверную. Если идти или ѣхать съ одной на другую, то придется огибать всю бухту, а перебираются обыкновенно моремъ на яликъ.

— Что такое яликъ? спросилъ кто-то изъ гостей.

— Яликъ — маленькая лодка, отозвалась Анна Демидовна. Что съ южной, что съ сѣверной стороны устроены пристани, а дома и церкви стоятъ на южной. На сѣверной живутъ одни лишь бѣдные люди, — рыбаки, лодочники, тамъ же и кладбище. Этой стороны прочно не укрѣпишь, мѣсто не удобное, а все же надо было попытаться хоть какую нибудь защиту противъ непріятеля приготовить, да слава Богу удалось отъ сѣверной стороны удалить врага.

— Какъ же это удалили его, бабушка? Спросилъ Миша.

— Вотъ скажу — такъ узнаешь, а теперь слушайте. Боялось начальство, чтобъ онъ не сталъ на

той дорогѣ, откуда мы ждали нашихъ запасовъ. Тогда ужъ не было бы подвоза и пришлось бы намъ погибнуть голодной смертію. Стало надо было отъ этой дороги удалить непріятеля. Затѣмъ князь Меншиковъ послѣ Альминскаго боя и ушелъ къ сторонкѣ.

Прошло дней пять послѣ сраженія, поднялись мы поутру и вдругъ слышимъ, что князь и оставшіеся полки вывелъ изъ города, и оставилъ у насъ всего тысячъ пять народа. Куда они пошли и зачѣмъ? Начальники-то можетъ про то и знали, да намъ ничего не извѣстно было, и страхъ насъ разбиралъ. Ну какъ непріатели съ поля сраженія пойдутъ морскимъ берегомъ,—вѣдь они чрезъ нѣсколько часовъ будутъ передъ Севастополемъ, и тогда спасенія не откуда ждать. Князь оставилъ въ городѣ трехъ начальниковъ: генерала Моллера надъ войскомъ, а надъ флотскими — Павла Степановича и Владиміра Алексѣевича. Владиміръ Алексѣевичъ смотрѣлъ бодро, а многіе не хуже насъ приуныли,—и недаромъ. Неизвѣстно, гдѣ непріатель, а отъ князя вѣсточки нѣтъ. Войдутъ враги въ Севастополь, хоть и запертъ нашъ флотъ, вѣдь онъ будетъ въ ихъ рукахъ. А Павелъ-то Степановичъ говоритъ: „не увижу я такого позора; легче мнѣ, говоритъ, затопить собственными руками мои родные корабли“. И приказалъ онъ имъ пробить бока и заткнуть до поры до времени пробойки. А подойдетъ непріатель, окружить со всѣхъ сторонъ городъ, тогда мы сами должны пустить наши кораблики ко дну морскому.

Одному Богу извѣстно, какъ было горько въ

то время. Все казалось, что до вечера не доживемъ. Идешь по улицѣ, остановишь прохожаго: не слышалъ ли, молъ, чего? Гдѣ непріятель? Гдѣ наша армія? Да скоро оглянулся на насъ Господь.

Собрались офицеры въ какомъ-то, не помню, казенномъ заведеніи, и толкуютъ про наше горе. Вдругъ кто-то изъ нихъ подошелъ къ окну, да такъ и крикнулъ: вотъ они! вотъ они! Подбѣжали къ нему и видятъ изъ окна, что черезъ горы валяютъ вражьи полки. Значить они пошли не берегомъ моря, не нападутъ на насъ съ Сѣверной стороны, а повернули къ Южной и еще нескоро до насъ дойдутъ, а мы пока приготовимся гостей принять. Князь-то, какъ вывелъ войско въ поле, сталъ передъ Сѣверной стороной и захватилъ ту дорогу, по которой мы ждали наши запасы, значить — преградилъ ее союзникамъ. Они и обошли кругомъ, потому что не были готовы къ новому сраженію и не хотѣли на нашу армію наткнуться.

— Бабушка, спросилъ Миша, что такое союзники?..

— Которые стоятъ за одно дѣло, тѣ называются союзниками. Турки, Французы да Англичане согласились идти на насъ, значить въ союзъ между собой вступили: вотъ и союзники.

Ну, какъ увидали, что врагъ обходитъ горами, такъ бросились эту радость объявить начальникамъ, и вышелъ отъ нихъ тотчасъ приказъ, землекопамъ оставить Сѣверную сторону и работать всѣми силами на Южной. Тутъ можно было построить прочныя укрѣпленія и знали мы, что если и погибнемъ, да покрайности хоть постоимъ за себя.

Генералъ Моллеръ и Павелъ Степановичъ Нахимовъ перетолковали между собой и рѣшили, что свое начальство они уступятъ Корнилову. Неразбирали они, кто по службѣ старше и кто моложе былъ, а дорога имъ была Россія и дорогъ Севастополь. Пришли они къ Владиміру Алексѣвичу и говорятъ: „Страшные наступили дни; теперь нужна одна воля и одна власть: ты поведешь дѣло лучше насъ, прими начальство надъ городомъ и надъ нами“.

Согласился Владиміръ Алексѣвичъ. Онъ самъ зналъ, что поведетъ дѣло лучше всѣхъ. Не будь его, я и не знаю, что бы съ нами случилось. Дай ему Богъ царство небесное! Скажетъ бывало Владиміръ Алексѣвичъ: „Нечего унывать, ребята: не что намъ въ первые придется идти одному на двухъ? Выручить Русскій штыкъ!“ и повеселѣютъ солдатики. Такъ ему вѣрили, что его слово было свято: приказалъ бы онъ, кажется, идти на дно морское, такъ пошли бы.

Принялъ онъ начальство наканунѣ Воздвиженья, а въ самый праздникъ, послѣ обѣдни, войска выстроились въ рядъ, и изъ всѣхъ церквей вышелъ крестный ходъ съ иконами да хоругвями и обошелъ начатыя укрѣпленія. Служили молебенъ съ водосвятиемъ и молились всѣ со слезами; да видно, по нашимъ грѣхамъ, не дошли наши молитвы до Господа. Послѣ молебна Владиміръ Алексѣвичъ говоритъ протоіерею, что велъ ходъ: „Скажите войскамъ волю Божию, а я имъ скажу волю царскую“. Батюшка говорилъ проповѣдь, и такъ хорошо, а потомъ Владиміръ Алексѣвичъ сѣлъ

верхомъ и сталъ объѣзжать ряды. „Ребята, говорить, велѣлъ намъ царь стоять грудью за Севастополь, объ отступленіи и не думать. Тотъ измѣнникъ, кто протрубитъ отступленіе. Прикажу я отступать, такъ я измѣнникъ и меня коли!“ Всѣ-то онъ объѣхалъ полки, со всѣми говорилъ. Любодорого было его послушать да на него взглянуть, такой былъ онъ молодецъ. Приободрились матросы да солдатики и крикнули ему: „не сдадимъ Севастополя! ура!“

На Южной сторонѣ каменная башня, зовутъ ее Малаховой башней. Зачѣмъ она была выстроена, не знаю, а стоитъ она на высокомъ курганѣ, и около нея строились укрѣпленія. Надъ ними работали тысячи двѣ человекъ, а время было дорого. Вотъ и приказалъ Владиміръ Алексѣевичъ звонить въ колокола и бить тревогу. Мы всѣ выбрались ни живы ни мертвы на улицу, думали какая бѣда стряслась, а намъ кричатъ: „На укрѣпленія! на Малаховъ курганъ! всѣмъ дѣло готово! ступайте на Малаховъ!“

Хлынули мы толпой на укрѣпленія, что старики, что женщины, что дѣти, и закипѣла работа. Одинъ подвозилъ землю, другой песокъ, а не случится подъ рукой телѣжки, такъ въ подолѣ его несешь. Солдаты перетаскивали пушки. Наступить ночь, зажжемъ фонари. Кто тутъ же приляжетъ на землѣ да отдохнетъ, а кто дѣла и не покинетъ. Ужъ развѣ одни хворые уходили домой. А днемъ всегда пять-шесть тысячъ человекъ трудились надъ укрѣпленіями, и сколько ни было въ городѣ лошадей, телѣгъ, лонать, заступовъ, все было тутъ—

на Малаховѣ. Одну батарею цѣликомъ устроили женщины; такъ и называли ее женской, а мы звали ее по просту бабьей. Иной разъ приходили намъ пособлять часовые солдаты, а тѣмъ временемъ мѣщане стояли вмѣсто ихъ на часахъ.

— Матушка, сказалъ Иванъ, мнѣ словно сквозь сонъ помнится, будто и я былъ тутъ около тебя. Да еще, помню я, распоряжался работами какой то военный и все онъ ѣздилъ взадъ и впередъ на ворономъ конѣ, а я его конемъ любовался.

— Какъ же, отозвалась Анна, и засмѣялась, — и ты тоже укрѣплялъ Севастополь, въ тележкѣ песокъ подвозилъ. А военный-то, что ѣздилъ на ворономъ конѣ и распоряжался работами — генералъ Тотлебенъ. Родомъ онъ нѣмецъ, да съ молодыхъ лѣтъ служить онъ Россіи, — служить ей вѣрой и правдой. Никто хитрѣй его не построишь укрѣпленій; онъ мастеръ своего дѣла и не дешево оно ему досталось. Онъ многіе годы трудился да обучался, и если такъ долго стоялъ Севастополь, мы за это должны сказать спасибо Тотлебену. Всѣ его знаютъ и вездѣ ему почетъ, что отъ царя, что отъ добрыхъ людей.

Онъ съ Владиміромъ Алексѣвичемъ былъ очень друженъ, жили они въ одной комнатѣ и все даже по ночамъ толковали да обдумывали, какъ бы имъ отстоять Севастополь. Обѣзжали они, бывало, наши работы и всѣмъ распоряжались вмѣстѣ, а чтобы дѣло то шло проворнѣй, приказалъ Корниловъ выпустить изъ тюремъ арестантовъ, что содержались за преступленія, они тоже намъ помогали. Захотѣли горемычные искупить свои прегрѣшенія предъ Бо-

гомъ и послужить матушкѣ Россіи. Трудились они не жалѣя силъ, и во время осады ихъ употребляли на разныя работы. Скажу по совѣсти, дѣтушки, что вели они себя честно и ни отъ кого не слышали обиднаго слова. Послѣ сдачи города начальство доложило объ нихъ царю, и царь ихъ помиловалъ.

А наши укрѣпленія росли не по днямъ, а по часамъ. Не прошло недѣли, а на Южной сторонѣ выросли, словно изъ подъ земли, на цѣлыхъ семи верстахъ, бастіоны, редуты, батареи, и такъ они грозно смотрѣли, что казалось, не одолѣть ихъ врагу. Работали мы безъ отдыха, а какъ ни умаешься — увидишь, что скачетъ Владиміръ Алексѣевичъ, такъ новыхъ силъ, кажется, наберешься; онъ, что красное солнышко, все озарить. Мы сперва на Господа, а потомъ на него уповали. Какъ станетъ онъ, бывало, объѣзжать укрѣпленія да остановится противъ солдатиковъ и молвить: „умремъ, ребята, не сдадимъ Севастополя!“ и ребята грянутъ ему въ отвѣтъ: „умремъ! ура!“ Мое дѣло женское, а предъ Богомъ говорю: покажись тогда непріятель не боялась бы я, кажется, идти на смерть.

Вечеръ IV.

— Какъ вы вчера ушли, дѣтушки, начала Анна Демидовна, долго мнѣ не спалось: все-то мерещилось родимое гнѣздо. И цѣлый день сегодня я думала, коли Господь приведетъ, туда съѣздить.

— Ну, что-же, матушка, отозвался Иванъ, вѣдь

оно и стоять-то не Богъ вѣсть чего по желѣзной дорогѣ, а дѣлишки наши идутъ хорошо.

— Поѣду, сказала Анна, и знаю, что не на радость я поѣду: не хочу умирать, не повидавши еще Севастополя. Кто живъ изъ прежнихъ знакомыхъ — всѣхъ отыщу, нагляжусь на море и наплачусь на Братской могилѣ.

— Что такое Братская могила, бабушка? спросилъ Николка.

— Скоро и до нея дойдетъ рѣчь, мой родимый, а теперь слушайте. Да ужъ я и не помню, что вамъ вчера-то сказывала.

— Сказывала ты, бабушка, какъ вы dokonчили ваши укрѣпленія.

— Помогъ Господь, dokonчили мы ихъ, а тутъ послалъ Онъ намъ еще радость: вернулся князь Меншиковъ съ нашей арміей. Ну, думаемъ, теперь наши укрѣпленія стоятъ что горы, все войско при насъ, а тамъ — власть Божія.

И союзники этимъ временемъ не дремали; обогнули они Севастополь горами и остановились верстахъ въ десяти, въ Балаклавѣ. Тамъ они расположились. — Французы своимъ лагеремъ, Англичане — своимъ, прочіе тоже отдѣльно, и выгрузили всѣ свои запасы. Около Балаклавы стоитъ монастырь Св. Георгія, — они и его заняли. Настоятелемъ былъ святой старецъ, отецъ Геронтій. Когда стали подходить непріятельскіе корабли, не хотѣлъ онъ отъ нихъ бѣжать, а принялъ съ покорностію Божию кару. При немъ было семьдесятъ челоувѣкъ братіи, и всѣ они остались въ обители, одинъ только монахъ сробѣлъ и убѣжалъ. А отецъ

Геронтій встрѣтилъ непріятелей. Они привели съ собою переводчика—поляка; онъ говорилъ по-русски и объяснилъ настоятелю, что будутъ жить въ монастырѣ. Отвели имъ цѣлый монастырскій корпусъ, да потребовали они еще гостинницу и устроили въ ней свой госпиталь.

Хорошо, что поселились тутъ одни французы,—они добрые ребята, не обижали братіи и жили съ ней въ ладахъ. Да вотъ какой грѣхъ Господь попустилъ: объявили они, что купятъ монастырскую птицу и скотину, сдѣлали всему опись и приказали прислать кого нибудь за деньгами въ Балаклаву. Да вѣдь обитель-то была въ плѣну, коли ее заняли враги, стояла стража у воротъ, чтобы никого не выпускать, и Французы оставили записку на свободный выходъ для монаха, что за деньгами пріѣдетъ.

Настоятель послалъ стараго эконома принять деньги, а не догадался попросить для него проводника. Въ Балаклавѣ старикъ показалъ часовымъ свою записку и они впустили его въ лагерь. Да когда онъ вошелъ, увидали его нѣсколько солдатъ и бросились къ нему. Одинъ замахнулся на него голый шпагой. Бѣдный старикъ такъ и обмеръ и зашатался на ногахъ. Другой солдатъ, спасибо ему, успѣлъ удержать товарища за руку. Экономъ показалъ свою записку; въ ней было объяснено, что онъ пріѣхалъ за деньгами. Его отвели куда слѣдовало и деньги онъ получилъ, да ужъ очень бѣднякъ испугался и слегъ лишь только вернулся домой. Проболѣлъ онъ никакъ съ недѣлю и отдалъ Богу душу.

Главное непріятельское начальство осталось въ Балаклавѣ, а часть арміи подошла совсѣмъ близко къ Севастополю, не больше какъ версты полторы отъ него. Прямо на насъ напасть она не могла, потому что мы встрѣтили бы ее пушечными выстрѣлами, а стали союзники себѣ тоже укрѣпленія ставить. Провели они широкіе рвы, насыпали валы и устраивали на нихъ батареи. Эти ихъ укрѣпленія называются траншеями, и стояли они не около города, какъ наши, а въ чистомъ полѣ. Непріатели работали по ночамъ, чтобъ мы имъ не мѣшали, и какъ взойдетъ бывало солнце, увидимъ мы, что у нихъ дѣло-то очень спорится. Работали они больше двухъ недѣль, а тѣмъ временемъ шли, и у насъ приготовленія. Перенесли на укрѣпленія Флотскія пушки и военные снаряды, только не всѣ; они и на корабляхъ могли понадобится, да тысячъ шестнадцать матросовъ перешли на бастионы, а на корабляхъ все-таки осталась команда, чтобы порядокъ она соблюдала, да и на всякій случай. Матросиковъ разставили по укрѣпленіямъ, и мой покойникъ тутъ-же. Ждемъ, что ни день, то начнутъ бомбардировать и начальство приказало женщинамъ выходить изъ Севастополя, давало даже деньги подъемныя, а мы уходить не хотѣли. У кого тутъ мужъ, у кого сынъ либо братъ, а покинуть ихъ, когда горе подошло, духа не хватало. Такъ мы и остались, благо насъ не принуждали: не до насъ было.

Мы еще и не строили укрѣпленій, а ужъ командиромъ Малахова Корниловъ назначилъ Владиміра Ивановича Истомина. Онъ съ Корниловымъ

и съ Павломъ Степановичемъ жилъ что съ братьями родными, и вмѣстѣ учились они морскому дѣлу, а на счетъ укрѣплений онъ тоже былъ мастеръ и помогаль Тотлебену устроить Малаховъ. Удальцемъ слылъ онъ какихъ мало и всегда первый въ огонь бросался. Матросы про него говорили: „нашъ Владиміръ Ивановичъ о семи головахъ: въ самый кипятокъ такъ и лѣзетъ!“ Одного онъ только Бога боялся,—набожный такой былъ! Не мало онъ горевалъ, когда ему пришлось проститься съ кораблями и переселиться на землю, да и тутъ онъ себя показаль. Былъ онъ начальникъ строгій, и не давалъ потачки какъ Павелъ Степановичъ, а куда какъ его тоже любили! Взыскивалъ, а за то радѣль о матросахъ, что о родныхъ, и себя не жалѣль; не зналъ онъ отдыха и всегда былъ въ трудахъ. На укрѣпленіяхъ онъ завелъ тотъ же порядокъ, что на своихъ корабляхъ, и какъ онъ самъ, такъ и его молодцы были всегда готовы и на битву и на смерть.

На четвертый день послѣ Покрова, лишь занялась заря, раздался вдругъ такой гулъ, что земля подъ нами заходила. Я себя не вспомнила, вскочила съ постели и побѣжала къ окну. Вижу, такъ и летятъ на насъ, что стая птицъ, снаряды, и сосѣдній домъ уже отъ нихъ загорѣлся. Жили мы въ Артиллерійской слободѣ. Это мѣсто самое близкое къ непріятельскому лагерю. Я схватила Ваню, одѣла его на скоро и убѣжала съ нимъ изъ дома, а куда идти, не знала. А такъ думаю: вѣдь не я же одна теперь скиталица; куда добрые люди, туда и я. Точно, вижу уже многія бѣгутъ по улицѣ,

я за ними, и спаслись мы въ подвалѣ, что подъ Никольскимъ соборомъ. Вошли, а ужъ тамъ народу не мало: все больше женщины да дѣти. Усѣлись всѣ на полъ, кто куда попало: иной плакалъ, другой молился, всякій думалъ объ своемъ родненькомъ, что можетъ быть принимаетъ теперь лютую смерть, а надъ нашими головами такъ и раздавался свистъ бомбъ да ядеръ. Мало того, что союзники открыли огонь съ своихъ укрѣпленій, ихъ корабли подошли къ городу и палили изъ пушекъ, а на корабляхъ-то стояло больше тысячи пушекъ, дѣтушки! Вдругъ ядро попало въ пороховой погребокъ и взорвало его. Земля заколыхалась отъ взрыва, и бастіонъ одѣлся дымомъ словно пеленой. Наши солдатики такъ и замерли. Какъ дымъ-то немножко разсѣялся они оглянулись: вездѣ обвалился валъ, стоятъ пушки опрокинутыя и пятьдесятъ слишкомъ почернѣвшихъ труповъ, да можетъ столько же раненыхъ разбросаны по всему бастіону. Отовсюду раздавались стоны, а во вражьемъ лагерѣ такъ крикнули отъ радости, что и до насъ гулъ долетѣлъ. Остервенились ребята, какъ его услышали, бросились къ пушкамъ и засвистѣли опять наши бомбы.

А мы все слушаемъ этотъ громъ и перекинуться даже словечкомъ не смѣемъ. Ужъ сколько часовъ мы тутъ просидѣли, не знаю, а долго. Мнѣ казалось, что этой страсти конца не будетъ. Вдругъ, вошелъ къ намъ старикъ: „Ну, кричитъ, бѣда! Владиміръ Алексѣевичъ убитъ!“ Такъ мы и взвыли. Вѣдь вся надежда была на него. Дѣло-то вотъ какъ было: лишь только началась пальба, сталъ

онъ объѣзжать укрѣпленія, какъ увидятъ его солдаты, такъ прогремѣтъ: ура! а онъ имъ говоритъ: „Тише, ребята, а вотъ какъ подъ громомъ нашихъ пушекъ замолкнуть пушки непріятеля, тогда и прокричимъ ура. Стали солдаты его уговаривать, чтобъ онъ уѣхалъ: „Побереги себя, говорятъ, для насъ,“ а онъ говоритъ: „Отъ ядра не уйдешь.“ Приказалъ онъ привезти воды на батареи, распорядился на счетъ раненыхъ и уѣхалъ домой перекусить. Да видно чуюло его сердце, что ему не сдобровать. Написалъ онъ къ женѣ и отправилъ къ ней письмо чрезъ посланнаго, да еще снялъ съ шеи свои часы и говоритъ: „Я ихъ оставляю старшему сыну“. А дѣти-то были у него еще малолѣтки.

Распорядился онъ съ этимъ дѣломъ и собрался опять на Малаховъ. Были при немъ его адъютанты да казакъ. Какъ пріѣхалъ, соскочилъ съ лошади, отдалъ поводья казаку и пошелъ по укрѣпленіямъ. Тамъ уже много пало нашихъ; складывали мертвыхъ въ кучку и выносили раненыхъ. Солдатики стояли бодро у пушекъ, а Истоминъ, — вѣстимо дѣло, среди огня. Стали они всѣ уговаривать Владиміра Алексѣевича, чтобы онъ уѣхалъ, а онъ осмотрѣлъ сперва всѣ укрѣпленія, да ужъ тогда собрался домой. Подошелъ онъ къ лошади, да вдругъ зашатался и упалъ: ядро оторвало у него ногу. Бросились къ нему, а онъ молвилъ: „Защищайте Севастополь!“ да ужъ видно послѣднія силы на это слово положилъ и закрылъ глаза.

Прибѣжалъ докторъ, перевязалъ рану, и при-

шелъ въ себя Владиміръ Алексѣевичъ. Принесли носилки, чтобы его нести въ госпиталь, а солдаты стоятъ около него и не смѣютъ до него дотронуться: у всѣхъ руки дрожали. Онъ это смекнулъ, мой голубчикъ, да кулаками въ землю и перебросился самъ на носилки. Пока несли его, всѣ встрѣчные плакали. Въ госпиталѣ онъ попросилъ священника, принялъ Св. дары, послалъ женѣ и дѣтямъ свое послѣднее благословеніе, и завѣщалъ сыновьямъ служить вѣрой и правдой землѣ родной. Еле шевелилъ онъ губами, а все молился вполголоса за Россію, за Севастополь, за черноморскій флотъ, за царя православнаго. Принесъ ему докторъ лѣкарства, онъ выпилъ и задремалъ.

Приостановилась на минуту стрѣльба, и офицеры, что при немъ были, про это толковали шепотомъ. Онъ открылъ глаза и спросилъ: „Что случилось? Ему говорятъ: Замолкли непріятельскія пушки. Онъ приподнялъ голову, крикнулъ: ура! и не стало его.

На первыхъ-то порахъ скрыли его смерть отъ войска. Матросы все объ немъ справлялись, а имъ говорятъ: „Богъ милостивъ, авось поправится.“ Старичекъ, что намъ про это горе рассказывалъ, случился въ госпиталѣ, когда онъ скончался. Тотъ ужъ мы убивались! Словно кровнаго у насъ Господь отнял. А пальба гремѣла вплоть до вечера. Какъ только она притихла, отдала я тебя Ваня старушкѣ, что около меня сидѣла, и попросила ее за тобой присмотрѣть, а сама побѣжала на укрѣпленія своего Ефима Петровича провѣдать.

Вошла я на бастіонъ, — вѣдь мой-то на самомъ Малаховомъ служилъ, — и въ глазахъ у меня потемнѣло; подбираютъ раненыхъ, и лежатъ вездѣ мертвые, а кровь по щиколотку. Вижу мой покойникъ тоже около раненыхъ суетится, перекрестилась и побѣжала безъ оглядки назадъ.

Ну, расходитесь, дѣтушки; рассказываю я вамъ невеселое, да и слушать, я чай, тяжело, пора отдохнуть.

Вечеръ V.

На другой день начала Анна Демидовна, узнать весь городъ о кончинѣ Владиміра Алексѣевича. Такое было горе, что и не расскажешь. Стонъ стоялъ въ госпиталѣ, гдѣ тѣло лежало, хоронили его тѣмъ же вечеромъ на мѣстѣ, гдѣ строился Владимірскій соборъ. На дорогѣ стояли уже сумерки, когда несли гробъ всѣмъ городомъ, при факелахъ. А союзники открыли опять огонь, да не испугались мы ихъ бомбъ и ядеръ, и толпою шли за тѣломъ. Флотъ и армія отдали ему послѣдній долгъ. Изъ пушекъ стрѣляли залпами какъ всегда бываетъ на похоронахъ военнаго начальника, флаги на корабляхъ опустили въ знакъ почета, а на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ раненъ, выложили крестъ изъ ядеръ.

Съ этого дня, дѣтушки, непріятельскія пушки гремѣли, почти безъ умолка по насъ, цѣлую недѣлю. Въ это время потеряли мы ранеными и убитыми около четырехъ тысячъ и наши бѣдныя

Владиміръ Ивановичъ Истоминъ.

матросы да солдаты не знали себѣ отдыха. По ночамъ-то пальба утихала, хоть и не совсѣмъ, да въ томъ бѣда, что за день укрѣпленія бывали разстроены, а ночью приходилось ихъ поправлять, такъ что вздремнуть наши сердечные часокъ, другой,—и будетъ. Начальники указывали какъ класть опять валы, куда передвигать пушки, куда ссыпать свѣжую землю, и лишь занималась заря, все было опять готово.

— Не поздоровилось и союзникамъ этимъ временемъ. Выбыло и у нихъ не мало народу, да наши снаряды взорвали тоже ихъ пороховой погребъ, разрушили во многихъ мѣстахъ укрѣпленія и повредили корабли. Думали враги овладѣть Севастополемъ однимъ днемъ, и въ то утро, когда открыли первый огонь, французскій военачальникъ прислалъ письмо къ англійскому въ его лагерь и писалъ въ этомъ письмѣ, что надо, молъ, мнѣ съ вами переговорить, такъ нынче вечеромъ въ Севастополѣ потолкуемъ, когда его возьмемъ. А простояли-то они передъ нимъ окола года. Нечего сказать, не дешево достался имъ Севастополь!

— „Матушка, спросила Дарья,—а какъ же вы жили тогда? вѣдь не въ подвалахъ же“?

— Иные до самаго конца подъ своимъ кровомъ оставались, и сохранилъ ихъ Господь, а другіе перебывались съ квартиры на квартиру. Какъ ужь очень разорили городъ, многіе изъ него стали выѣзжать, особенно у кого малыя дѣти были, такъ что пустыхъ домовъ оставалось въ волю. Войди да и живи, никто тебя не прогонить и хозяина не отыщешь. Наша сторонка совсѣмъ почти опу-

стѣла. Непріятель все подвигалъ къ ней свои земляныя укрѣпленія. Какъ только онъ подвинется впередъ, жители попятятся назадъ; иной можетъ разъ десять переходилъ изъ квартиры на другую. Многіе тоже въ подвалахъ жили, подъ заборомъ либо подъ укрѣпленіями. И мы никакъ съ мѣсяцъ подъ Николаевскимъ соборомъ квартировали.

— „Я, матушка, помню, какъ мы тамъ жили, сказалъ Иванъ,—да ужъ теперь и въ домекъ не возьму, чѣмъ же мы питались?“

— Ужъ вѣстимо, Иванушка, перебивались кое-какъ. Вѣдь такое подошло времечко, что не до жиру, а быть бы живу. Въ первый-то вечеръ, какъ бѣжала я съ бастіона и вернулась къ своимъ товаркамъ, сталъ ты приступать ко мнѣ, что ѣсть хочешь. Съ утра покормила тебя добрая старушка булкой, да ужъ съ тѣхъ поръ успѣлъ ты проголодаться. Мнѣ ѣда на умъ не шла, а ребенокъ—дѣло другое. Вотъ я себѣ и думаю; дома жить мнѣ страшно, а если здѣсь оставаться, такъ ужъ надо какъ нибудь устроить, чтобъ съ голода не помереть. Пошла я домой, напекла лепешекъ, наварила яицъ, да былъ у насъ спасибо хлѣбъ. Потомъ вынула я изъ сундука мѣшечекъ съ деньгами, надѣла его на шею, захватила два одѣяла да подушку и все завязала въ узелъ.

— Пошла я сперва со своей провизіей къ Малахову; страшно было мнѣ идти на бастіонъ да повстрѣчала знакомаго матроса и говорю ему: „Нельзя ли сюда мнѣ моего хозяина вызвать“. Подождала маленько, вижу—идетъ, Ефимъ Петровичъ. Обрадовался мнѣ родной.

— „Сколько разъ, говорить, сегодня мнѣ думалось что можетъ и тебя и сынишки на свѣтѣ ужъ нѣтъ. Видно прогнѣвали мы Господа: что у насъ раненыхъ, что убитыхъ. А пуще всего, можетъ Владиміръ-то Алексѣевичъ не встанетъ“.

— Не хватило у меня духу ему сказать, что его ужъ на свѣтѣ нѣтъ, рассказала про себя и отдала половину моей провизіи. Пока я съ нимъ тутъ стояла, много и другихъ солдатокъ приходили мужей или сыновей провѣдать и приносили имъ тоже перекусить. У инаго, сердечнаго, никого не было, такъ съ нимъ товарищи дѣлились.

— Съ Малахова вернулась я въ подвалъ, и пока мы тутъ жили, такъ я и пробавлялась: какъ выйдетъ провизія, пойду домой и заготовлю свой запасъ. А другіе инымъ промышляли: была тутъ вдова съ сынишкой. Въ ея домъ съ перваго дня попала бомба, да безъ того жила она бѣдно, опять же больная. Такъ она чѣмъ перебивалась: пошлетъ бывало мальчугана сначала купить булокъ, а потомъ разносить ихъ по укрѣпленіямъ; офицеры покупали, а онъ бралъ по копѣйкѣ барыша съ булки, и на эти деньги чего нибудь съѣстнаго покупалъ. Другіе тоже продавали яблоки и груши на укрѣпленіяхъ: тѣмъ и прокармливались.

— Утомился послѣ недѣльной пальбы непріятель и замолкли его пушки, да мы не дали ему вздохнуть. Пока онъ громилъ городъ, подошли къ намъ свѣжіе полки. Ими командовалъ генералъ Липранди, и князь Меншиковъ приказалъ ему вести ихъ къ Балаклавѣ и напасть на укрѣпленія, что поставили тамъ союзники.

— Передъ Балаклавой тянется долина между горъ, а эти были укрѣплены. Генераль Липранди еще до зари повелъ туда свое войско. Весь непріятельскій лагерь еще спалъ, и наши прошли неслышно горными ущельями и пушки свои провезли. Англійскій лагерь поднялся первый, увидалъ насъ и послалъ гонцовъ, чтобы со всѣхъ сторонъ на насъ двинулись. Да не успѣли они подняться, а ужъ наши молодцы бросились штурмомъ на батареи и взяли ихъ мигомъ.

— „Бабушка, спросилъ Миша, — что такое значитъ: броситься штурмомъ“?

— Говорила я вамъ, что когда непріятель осаждаеть укрѣпленія, то стрѣляетъ, чтобъ ихъ разрушить, а захочетъ разомъ съ ними покончить, то пойдетъ прямо, подставить лѣстницы и взберется на валы. Оно трудно, потому что осажденные стрѣляютъ въ упоръ на врага, бросаютъ въ него камнями и чѣмъ ни попало. Взбираться на укрѣпленія называется брать ихъ приступомъ или штурмомъ.

— Непріятельскія укрѣпленія стерегъ турецкій отрядъ; наши не дали ему опомниться и погнали его. Онъ бѣжалъ и оставилъ имъ свое знамя, а это великій позоръ, когда у полка знамя отобьютъ. Казаки пустились за Турками и многихъ истребили. Да на насъ двинулась англійская кавалерія, мы съ ней столкнулись среди Балаклавской долины. Завязался бой. Непріатели смяли наши ряды и помчались дальше. Думали они: наша взяла! а имъ на встрѣчу загремѣли наши пушки, и уланы наши подоспѣли. Человѣкъ пятьсотъ Англичанъ легли

на мѣстѣ. Французы бросились было имъ на выручку да и отступили передъ нашимъ огнемъ. Батареи остались за нами, мы ихъ срыли и увезли пушки, что на нихъ стояли.

— Съ балаклавскаго дѣла наши привезли съ собой плѣнныхъ. Если которые нибудь изъ нихъ живы до сихъ поръ, такъ вѣрно не поминаютъ насъ лихомъ. Не брали мы грѣха на душу, — не обижали ихъ, а которые умирали у насъ, тѣхъ хоронили хорошо, даже, если время позволяло, давали по военному залпъ надъ свѣжею могилой. Нечего сказать, не плакались плѣнные на насъ. Не привыкли они къ нашему ржаному хлѣбу, такъ офицеры приносили имъ частенько бѣлаго, да и солдаты тоже, если у кого заведется булка, сейчасъ съ плѣннымъ подѣлится. А попадался къ намъ раненый, такъ соблюдали его, что своего. Было у насъ сто тридцать семь сестеръ милосердія, иныя изъ богатыхъ и при дворѣ царскомъ жили, а все оставили и пріѣхали къ намъ на дѣло Божіе. Днемъ и ночью сновали онѣ между кроватями въ госпиталяхъ и ходили одинаково за всѣми: ужъ тутъ враговъ не было. Иной разъ сестра ухаживаетъ за нашими, а они и къ плѣннымъ посылаютъ: они, молъ, сердечные не на своей сторонѣ. Любили сестеръ да и было за что. Многія изъ нихъ заразились болѣзнями въ госпиталяхъ, а одна была убита на бастіонѣ.

— Какъ управлялись маленько раненые, такъ ихъ отсылали въ другіе города, да госпитали наполнялись каждый день, и бѣдныя сестры очень утомлялись. Тогда мы стали имъ помогать. Перестрѣл-

ка почти не умолкала, развѣ только по ночамъ либо, когда очень ужъ много было убитыхъ и раненыхъ у непріятелей и у насъ, такъ сговорятся заключить перемиріе на сутки, а иной разъ часа на два, чтобъ ихъ подобрать. Выкинуть сейчасъ бѣлый флагъ, и пока его не спустятъ, стрѣлять не смѣли. Проведутъ рубежъ между нашимъ лагеремъ и непріятельскимъ и никто за этотъ рубежъ ходить не могъ: мы знали свою сторону, а союзники свою. Лишь взовьется бѣлый флагъ, наши солдаты бросятся къ рубежу. Начнутъ подбирать раненыхъ да сдавать ихъ сестрамъ милосердія, а мы сбѣжимся имъ помогать. На первыхъ-то порахъ, какъ услышишь стоны, увидишь оторванные руки и ноги да кровяныя лужи, такъ свѣта не взвидишь. Не приневолилъ бы себя, такъ убѣждалъ бы кажется безъ оглядки. А тамъ привыкли, перекрестимся, бывало, да и станемъ сердечныхъ подбирать.

— Помню я, разъ пришла тоже къ намъ на помощь старушка и съ ней двѣ молодицы. Къ уборкѣ тѣлъ былъ всегда приставленъ офицеръ; она ему и говоритъ: „вамъ со всѣми не управиться, батюшка, такъ пожалуйста мнѣ на домъ человѣкъ десять или двѣнадцать: я перевяжу ихъ раны, а завтра въ госпиталь представлю. Своихъ-то я схоронила, такъ хоть за этими присмотрю“, и такъ она горько заплакала, бѣдная.

— Нечего сказать, послужили Севастополю кто чѣмъ могъ. На Малаховѣ жили четыре крестьянки и во время перестрѣлки ходили къ колодцамъ и приносили воду раненымъ. Одна пошла за водой

и не воротилась: попала ей пуля въ грудь. А три другія оставались до конца и медали даже получили.

— А священники-то? Не забывали они своего долга передъ Богомъ. Тѣ, что были прежде во флотѣ, ходили на укрѣпленія къ своимъ матросамъ, исповѣдывали ихъ, пріобщали, готовили къ смерти. Они же святили бастіоны, служили на нихъ молебны, а по субботамъ всенощныя. Оставили они по себѣ добрую память. Хоть бы іеромонахъ Веніаминъ, — онъ во время осады исповѣдалъ и пріобщилъ одиннадцать слишкомъ тысячъ чловѣкъ. Ужъ такъ, бывало, умается, сердечный, что еле на ногахъ стоитъ, а идетъ утѣшить умирающаго послѣднею молитвой.

— Были и дѣти на батареяхъ: одинъ мальчуганъ, лѣтъ шести, прислуживалъ солдатамъ, а другой десяти годочковъ; звали его Николкой. Выучился онъ стрѣлять не хуже взрослого и не мало ядеръ послалъ непріятелю. Ему за удалство дали Егорьевскій крестъ.

— А то былъ еще старикъ: еле ноги передвигалъ, сердечный, а разносилъ на батареяхъ воду раненымъ. Опять же обыватели привозили частехонько разной провизіи на укрѣпленія, либо въ госпитали бѣлья, корпіи, чаю и сахару, а иной разъ во время бомбардировки какой-нибудь купецъ пришлетъ цѣлую телѣгу съ булками да варенымъ мясомъ, и стоитъ она у перевязочнаго пункта, — значитъ даровая хлѣбъ-соль.

— „Что такое перевязочный пунктъ, Анна Демидовна“? спросилъ одинъ изъ гостей.

— Главные госпитали были на Сѣверной, да не прямо попадали туда раненные, а былъ отведенъ большой домъ на Южной сторонѣ, подальше отъ укрѣплений. Туда ихъ прямо переносили, перевязывали имъ раны и дѣлали операціи. Это мѣсто и называлось перевязочнымъ пунктомъ. Страшно было туда заглянуть. Доктора смѣнялись дежно и ночью, потому что всегда имъ дѣло было готово. Иной разъ приходилось сдѣлать въ сутки до семи сотъ операцій, а легкихъ ранъ и не лечили. Задѣнетъ солдата осколкомъ бомбы въ руку или ногу, и прикажутъ ему командиры идти на перевязочный пунктъ, а онъ и слышать не хочетъ: „помилуйте, говоритъ, ваше благородіе, стоить ли изъ-за этакого пустяка! поболить и заживетъ. Стоишь на ногахъ—стало здоровъ.“

— Ну, порадовалъ насъ Господь этою Балаклавскою побѣдой, а тамъ скорехонько было еще одно дѣло, да не посчастливилось намъ. Поставили непріатели укрѣпленія на другихъ еще горахъ, что называются Инкерманскими, и задумалъ князь Меншиковъ эти укрѣпленія скрыть. Да командиры плохо сговорились между собой и принялись не дружно за дѣло. Непритель стоялъ храбро. Мы нѣсколько разъ отбивали у него укрѣпленія, а онъ все насъ вытѣснялъ. Къ нему же подходили свѣжіе отряды, а наши генералы и офицеры были убиты либо ранены. Некому было вести солдатъ; бросаются они впередъ, а ихъ сомнутъ. Долго стояли они, сердечные, не хотѣли отступать. Одинъ изъ нашихъ знаменщиковъ былъ убитъ и упалъ со своимъ знаменемъ. Увидали двое удальцовъ, что собира-

ются непріятели взять знамя, бросились къ нему сквозь огонь и спасли его.

— Выбились подъ конецъ изъ силъ наши ребята и отступили назадъ къ Севастополю. Многихъ не досчитались они въ своихъ рядахъ и много привезли съ собой раненыхъ.

— При этомъ несчастномъ инкерманскомъ сраженіи были Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Они пріѣхали наканунѣ, обходили госпитали и очень радовалось войско, что царь прислалъ ему своихъ сынковъ. Пробыли они въ Севастополѣ три мѣсяца слишкомъ, а тутъ вызвали ихъ назадъ въ Питеръ, по болѣзни царя.

— Ну, дѣтки, на сего дня довольно. Расходитесь, а завтра расскажу я вамъ, какъ жилось солдатикамъ на бастіонахъ и намъ, грѣшнымъ, подъ ядрами да бомбами.

Вечеръ VI.

— Видно не даромъ говорятъ, дѣтушки, что ко всему привыкнешь, начала Анна Демидовна, принимаясь за прялку, — привыкли и мы къ снарядамъ. Въ первые-то дни, лишь загудятъ пушки, такъ и казалось, что онѣ тебѣ ужъ голову оторвали, а какъ послушали мы ихъ недѣлю, да мѣсяцъ, да другой, такъ совсѣмъ съ ними свыклись. Сначала-то, коли надо идти своего что ль провѣдать, либо домой поѣсть приготовить, такъ выжидаешь, какъ бы пальба утихла, а тамъ снаряды около тебя

такъ и свищуть, а ты идешь себѣ по улицѣ и ду-
мушки не думаешь,—дѣло обычное.

— У насъ въ подвалѣ и душно, и тѣсно было, и
прилечь негдѣ, опять же Ваня ужъ очень у меня
стосковался, вотъ я и задумала домой вернуться:
отъ смерти, молъ, не уйдешь. И пошла я сперва
провѣдать свое гнѣздышко. Подхожу и вижу: со-
сѣдка у себя на порогѣ сидитъ. „Здорово, говорю,
Кузминична, какъ живешь-можешь?“ А она го-
воритъ:

— Да горе у насъ большое, Демидовна, сестра
Настасья другой день глазъ не осушая плачетъ.

— И рассказала она мнѣ про ихъ горе. Настасья
жила у нея съ дѣтьми, а мужъ-то Настасьинъ, сол-
датъ, по фамиліи Ваки́тскій, служилъ на укрѣпле-
ніяхъ. Строго было запрещено служащимъ отлу-
чаться, да ужъ очень захотѣлось ему своихъ про-
вѣдать, онъ и прибѣжалъ тайкомъ. Повидалъ всѣхъ
и собрался назадъ на батареи. А мальчишка его,
годочковъ четырехъ, уцѣпился за него и поднялъ
ревъ: „Ночуй, говоритъ, тятя, съ нами“. Ваки-
тскій шепнулъ женѣ: „обману я его“, и говоритъ
сынишкѣ: „ладно, ляжемъ вмѣстѣ“, уложилъ его и
самъ около него легъ. Дѣло шло къ вечеру. Ре-
бенокъ заснулъ, да и отецъ задремалъ, а На-
стасья думаетъ: „пусть онъ отдохнетъ, авось его
не хватятся“,—и сама прилегла. Вдругъ слышитъ
она трескъ страшный, вскочила и смотритъ: про-
клятая бомба пролетѣла сквозь крышу и прошибла
полъ. Бѣднаго мальчика бросило къ потолку и
упалъ онъ на полъ съ разсѣченною головкой, а
Ваки́тскій храпитъ и стонетъ. Такъ и взвыла На-

стасья и не знаетъ, куда броситься, да видитъ ребенокъ ужь мертвый, и побѣжала къ мужу: у него рука раздроблена и лежитъ онъ какъ пласть.

— У бѣдной Настасьи мысли совсѣмъ помутились: вѣдь бѣда, если узнаютъ, что мужъ ушелъ тайкомъ домой, и пустилась она бѣжать къ укрѣпленіямъ. „Родимые, говоритъ солдатамъ, помогите мой-то раненъ у насъ дома и на ногахъ не стоитъ“. Сейчасъ прибѣжали ребята, унесли Вахитскаго и сдали его на перевязочный пунктъ: „сейчасъ, молъ, раненъ“.

— Услыхала я про эти страсти и думаю себѣ: нѣтъ, здѣсь ужь очень бойко; отыщу я лучше квартиру подальше отъ непріятеля: береженаго Богъ бережетъ. И нашла квартиру такую удобную. Была у насъ дома телѣжка ручная; положила я на нее наши вещи, перевезла ихъ туда, и перешли мы съ Иванушкой на новоселье.

— Все пришло въ прежній порядокъ. На бульварѣ начали опять гулять барыни, а купцы стали выносить свои столы на площади и торговать. Случалось, что бомба разгромить столъ и хозяина убьетъ, а другіе торговцы удалятъ трупъ, очистятъ мѣсто и примутся опять за свое дѣло. Когда станетъ ужь очень жутко на площади отъ непріятельскихъ снарядовъ, то перенесутъ рынокъ на другую.

— „Матушка, сказалъ Иванъ,—я помню, что и мы, дѣти, привыкли къ пальбѣ и все строили себѣ на улицѣ крѣпости изъ песку. Кто изъ насъ бывалъ Корниловъ или Нахимовъ, а кто другимъ именемъ назовется. Я все въ Нахимовы просился“.

— А того ты можешь не помнишь, отозвалась Анна,—что я тебя подъ конецъ не стала пускать на эти игры. Когда ужъ очень подошелъ къ намъ непріятель, такъ часто стали подымать на улицѣ убитыхъ дѣтей. Что говорить, бомба и среди стѣнъ отыщется, а все казалось, что дома какъ будто укрыты. Сама-то я ходила по улицѣ—не боялась, а за тебя страшно было.

— А солдатики и подавно свыклись съ бомбами да ядрами. Передъ всякимъ бастіономъ былъ дворъ и на немъ вырыты землянки. Туда солдаты уходили обѣдать, спать, а въ холодное время разложить огонь да и сидятъ около него. Зайдешь, бывало, въ землянку и такое тамъ веселье: кто шьетъ, кто ружье чиститъ, а старичекъ рассказываетъ какую-нибудь сказку затѣйливую. Когда достанутъ карты, въ дурачки играютъ, и знать не хотятъ, что бомбы да ядра надъ головами свищутъ. Только вотъ досада: какъ примутся за ложки шей похлебать, да вдругъ ядро шлепъ въ котелъ—и прощай обѣдь! Ну ужъ тутъ ребята выругаютъ ядро порядкомъ. А какіе шутники у насъ водились на батареяхъ! Надѣнутъ они военную фуражку на палку, да палку-то и воткнутъ между камнями, такъ что фуражка видна, а непріатели думаютъ это солдатъ стоитъ и стрѣляютъ въ нее. Иной разъ цѣлыхъ два часа палятъ, а наши-то такъ и покатываются со смѣха. Пусть, молъ, Французъ потѣшается!

— Которыхъ изъ нашихъ молодцовъ хотъ хлѣбомъ, бывало, не корми, а пусти только на непріятеля. Былъ матросъ по прозвищу Кошка. Крещенаго-

то имени его не знаю, а прозвали его Кошкой, потому что былъ онъ на руку не чистъ. Какъ лежить плохо фуражка у товарища, такъ онъ ее стащить и въ кабакъ: кутила тоже былъ, да ужъ за то удалецъ какъ есть. Вызывали частенько охотниковъ на ночную вылазку, такъ безъ него дѣло бывало не обойдется. А вы знаете ли, дѣтушки, чтò такое ночная вылазка?

— „Я только хотѣла спросить, матушка, сказала Дарья,—а сама диву даюсь, какъ ты-то все знаешь, да еще сказывать не хотѣла, говорила: не умѣешь“.

— Не дай Богъ ни другу, ни недругу, родная, узнать, какъ я узнала; горе выучило, а коли сказываю я вамъ понятно, такъ слава Богу!—На ночную вылазку ужъ тотъ идетъ, кому море по колено. Надо подкрасться ночью ко вражьему лагерю, высмотрѣть все, а увидишь кучку непріятелей, напасть на нихъ. Да вѣдь не извѣстно куда забредешь: иной разъ пойдутъ нашихъ охотниковъ человѣкъ десять, а окружать ихъ непріятелей цѣлыхъ пятьдесятъ, такъ что никто и не вернется. Кошка-то на эти вылазки вызывался всегда первый, да еще зачашую придумаетъ, помимо командировъ, какую-нибудь удалую выходку, и все сходило ему съ рукъ. Разъ подползъ онъ къ англійскимъ укрѣпленіямъ и спрятался за большой камень, а передъ камнемъ была вырыта огромная яма. Лежитъ Кошка, духа не переведетъ, и слышитъ ведутъ въ ямѣ бесѣду. Онъ заглянулъ украдкой и видитъ: сидятъ четыре Англичанина и варятъ говядину. Вдругъ онъ крикнулъ что ни есть силы: „ура, ребята“! Англичане сробѣли, выскочили изъ ямы и бросились бѣжать

къ своимъ. А Кошка спустился въ яму и давай забирать что плохо лежало: три ружья, да бутылку рому, да двѣ кисы съ лепешками. Стояли тутъ еще два котелка съ мясомъ; ужъ ихъ-то захватить нельзя было, такъ онъ мясо-то выбросилъ и вернулся къ товарищамъ.

— А то еще пошли наши на ночную вылазку и напали на траншею: Англичане тамъ работали. Наши бросились на нихъ, которыхъ убили и много плѣнныхъ взяли. У насъ же погибъ одинъ только солдатъ, и въ темнотѣ не отыскивали его тѣла. На другой день вздумалось Кошкѣ заглянуть опять въ непріятельскую траншею. Подползъ онъ тихонько на животъ и видитъ убитого товарища. „Эхъ, думаетъ Кошка, хоть бы похоронить-то его со своими!“ Снялъ онъ съ себя поясъ, привязалъ одинъ конецъ къ ногамъ мертвеца, другой къ своей ногѣ, и поползъ, а трупъ тащилъ за собой. Англичане увидали Кошку и принялись по немъ стрѣлять, а онъ все ползъ, и совсѣмъ ужъ бѣдный утомился. Какъ добрался до нашихъ укрѣпленій, такъ крикнулъ: „помогите, братцы!“ Подоспѣли къ нему четыре матроса и взяли трупъ.

— Примѣтилъ Кошка, что съ траншейныхъ работъ Англичане уходятъ обѣдать на бастіоны, подкараулил ихъ, бросился на траншею лишь-только ушли работники и унесъ двѣнадцать лопатокъ, четыре кирки и четыре ножа.

— Иной разъ, какъ услышитъ командиръ, что задумалъ Кошка выкинуть какую-нибудь штуку очень ужъ удалую, такъ велитъ его запереть, чтобъ не попался онъ въ бѣду, а Кошка обманетъ

караульнаго, убѣжить и поставить на своемъ. Обзавелся онъ мѣшкомъ, и надѣнетъ его, бывало, на себя,—весь въ него влѣзетъ. Были въ этомъ мѣшкѣ двѣ дыры для глазъ. Подползетъ Кошка къ непріятелямъ и ляжетъ не шевелится, между камнями либо кустами. Задремлетъ ли часовой, Кошка выхватитъ у него ружье, и давай Богъ ноги; пройдетъ ли солдатъ, Кошка на него бросится, обезоружитъ его, возьметъ въ плѣнъ и приведетъ къ намъ. А со своими плѣнными онъ былъ всегда хорошъ, угощалъ ихъ водкой или чѣмъ Богъ пошлетъ.

— Кошка былъ въ восемнадцати вылазкахъ, получилъ двѣ раны, и наградили его Егорьемъ. Коли живъ онъ до сихъ поръ, то можетъ рассказываетъ добрымъ людямъ о своихъ продѣлкахъ.

— Рады были посмѣяться маленько, а житье-то было незавидное: не допито, не доѣдено, выспаться некогда. А ужъ по утрамъ и подавно не до смѣха было, когда фуры объѣзжали укрѣпленія и забирали мертвыхъ. При каждомъ бастіонѣ были иконы и свѣчи предъ ними теплились. Убить кто ночью,—товарищи посмотрятъ, нѣтъ ли у него чистой рубахи въ запасѣ: найдутъ, такъ надѣнутъ ее на трупъ и положатъ его подъ иконы. По утрамъ фура останавливалась у бастіоновъ и укладывали въ нее тѣла. Да когда бывало двинется она вся нагруженная, прослезятся ребята, перекрестятся и молвятъ: „царство вамъ небесное, братцы, и мы скоро за вами“.

— Иной день фуры наполнялись по нѣскольку разъ и отвозили трупы къ пристани, а ужъ тамъ кла-

ли ихъ на ялики да катеры и доставляли на Сѣверную. Приходилось мнѣ не разъ видѣть, какъ ихъ выгружали. Которому давали свѣчу въ руку, у котораго складывали пальцы крестомъ; словно онъ, сердечный, еще молился за Севастополь.

— На Сѣверной было устроено два склада, — одинъ для труповъ, другой для отдѣльныхъ членовъ. Эти склады наполнялись днемъ, а ночью рабочіе зарывали члены въ землю и привозили тѣла на кладбище. Много ихъ, кладбищъ-то, гдѣ спятъ наши солдатики, а самое большое, на которомъ лежитъ сто слишкомъ тысячъ, называется „Сѣвернымъ кладбищемъ“, тамъ и *братскія могилы*. На этомъ кладбищѣ была всегда готова яма, въ нее опускали до пятидесяти труповъ, потомъ засыпали и выкладывали на ней крестъ изъ камней, либо ставили деревянный. Священникъ совершалъ общую паннихиду по убиеннымъ, и часто добрые люди приносили кутью, чтобъ ихъ помянуть общею молитвой. Не подалеку работали, обыкновенно, арестанты, что были выпущены изъ тюремъ. Увидятъ они, бывало, что молится кто на кладбищѣ, такъ оставлятъ свое дѣло, подойдутъ, станутъ также на колѣни, и одному Богу извѣстно, дѣтушки, чья молитва была праведнѣе передъ Нимъ.

— Насталъ великій постъ. На второй недѣлѣ пошла я на бастіоны пирожокъ отнести моему покойнику. Вижу: что онъ самъ, что другіе солдатики очень пріуныли. „Иль, спрашиваю, какое еще горе Господь послалъ“? А Ефимъ-то мой Петровичъ говоритъ: „да ужъ надо горя ждать; Господь знаменіе являетъ: видно не нынѣ такъ завтра па-

детъ Севастополь“, и рассказали они мнѣ что случилось. На какомъ-то казенномъ заведеніи было вылѣплено изъ глины имя покойнаго государя, и надъ нимъ большой царскій вѣнецъ. Вдругъ, ни съ того ни съ сего, вѣнецъ и царское имя свалились со стѣны и разбились объ мостовую. Какъ услышала я это, такъ и всплеснула руками. И точно: явилъ Господь знаменіе, только не къ Севастополю. Случилось это дѣло—какъ теперь помню—во вторникъ, а въ пятницу скончался царь.

— Какъ дошла до насъ объ этомъ вѣсть, отслужили вездѣ панихиды и гарнизонъ присягнулъ новому Государю. Въ это самое время князь Меншиковъ отказался, по болѣзни, отъ своего начальства, и Императоръ прислалъ на его мѣсто князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Пока не успѣлъ онъ еще подѣхать, принялъ команду графъ Остенъ-Сакенъ.

Вечеръ VII.

— Сказываю я вамъ про это время, дѣтки, начала Анна Демидовна, и бродить оно у меня въ головѣ словно живое, а всего, что видѣла и слышала, мнѣ не пересказать. И перечестъ не перечтешь, сколько удалцовъ стояли за Севастополь. Придешь, бывало, на батареи, а солдаты рассказываютъ, какъ отличился Бѣлкинъ, адмиралъ Новосильскій, Бирюлевъ, Тимофеевъ либо другой кто. Да малоли ихъ было! Очень еще любили князя Васильчикова: былъ онъ начальникомъ штаба гарнизона да все о солдатикахъ заботился. Сколько ночей про-

сизивалъ онъ за работой, все писалъ, отдавалъ приказанія, придумывалъ, какъ бы солдатики ни въ чемъ не нуждались. А ужъ если онъ, бывало, узнаетъ, что до нихъ не дошло, что имъ отпускали, такъ изъ себя выйдетъ князь. Покоя онъ не зналъ, и такъ у него сердце изныло, что занемогъ, и сколько лѣтъ еще прожилъ, а не поправился. Сказываютъ, что если бывало кто у него спроситъ: „чѣмъ вы, молъ, хвораете“? онъ говаривалъ: „хвораю я Севастополемъ“.

— А непріятель все ближе къ намъ подходилъ. Что онъ, что мы работали и сверхъ земли, и подъ землей. Хотѣлось ему порѣшнить съ нами разомъ, мину подвести, то-есть взорвать насъ порохомъ. Вотъ и рылъ онъ подъ землей мины,—какъ есть длинные корридоры. Вѣдь и все такъ-то, когда осаждаютъ городъ: подведутъ эти корридоры подъ крѣпость да насыпятъ въ нихъ пороха, подожгутъ его и все взлетитъ на воздухъ. А мы не допускали до этого врага. Роетъ онъ себѣ, примѣрно, сажени на двѣ глубины, а Тотлебенъ прикажетъ рыть такія же мины на три сажени подъ непріятельскую, да взорветъ ее. Послѣ взрыва останется яма, стало ужъ работать дальше нельзя, и начнутъ союзники въ другомъ мѣстѣ мину копать. Вѣдь не узнаешь, гдѣ они роютъ, такъ на всякій случай у насъ рыли и туда и сюда, и вправо и влѣво. Роютъ наши, да вдругъ услышатъ, что надъ ихъ головами стучать лопаты,—значитъ тутъ идетъ непріятельская мина, и взрываетъ ее. У насъ было нарыто этихъ минъ видимо-невидимо. Мой покойникъ сказывалъ, что еслибъ кто небывалый попалъ

въ нихъ, такъ заплутался бы. Самыя-то эти мины или корридоры низкія были и узкія, такъ что два человѣка еле-еле могли въ нихъ рядомъ идти. Начальникъ, котораго Тотлебенъ приставилъ за этими работами присматривать, тутъ и жилъ. Для него была вырыта комнатка. Онъ увѣшалъ ее коврами отъ сырости и устроилъ въ ней печь. Вѣдь какъ ни жарко на дворѣ, а подъ землей холодно. Не зналъ онъ ни дня ни ночи и горѣла у него всегда лампа. Солдаты прозвали его въ шутку кротомъ.

— Становилось съ каждымъ днемъ все жарче на укрѣпленіяхъ. Подходили къ намъ свѣжіе полки да очень ужъ много выбывало у насъ людей. Ближе всего стоялъ къ Французамъ четвертый бастионъ вправо отъ Малахова, и страшно они его жарили. Да и вездѣ не легко было, такъ что мѣсяцъ службы въ Севастополѣ царь приказалъ считать за годъ. Отъ Англичанъ мы меньше терпѣли; все больше отъ Французовъ, а мы ихъ любили. Молодцы, и brave такіе, да добрые люди. Какъ бывало выкинуть бѣлый флагъ и придемъ мы подбирать раненыхъ да мертвыхъ, такъ наши-то съ Французами друзья-пріатели. Офицеры знаютъ ихъ языкъ и съ ними разговариваютъ, а солдаты даромъ что говорить не умѣютъ, а кое-какъ объясняются и шутятъ. Французы ихъ подчивали папиросками и трубки имъ дарили, а наши Французамъ тавлинки или что-нибудь другое. Русскіе плѣнные тоже въ холѣ у нихъ жили. Грѣшно сказать, чтобъ и Англичане плѣнныхъ обижали; за ними былъ уходъ и кормили ихъ хорошо, да ласковымъ словомъ ихъ

никто не побаловалъ. А Французъ душа-человѣкъ.

— Перестрѣлка не умолкала цѣлый день, и по ночамъ хоть тоже летѣли на насъ снаряды, да все же было много тише. А иной разъ мы сами ночнымъ временемъ выходили на враговъ. И имъ было не легко. Сколько своихъ похоронили они на Русской землѣ! У нихъ тоже были всегда вырыты глубокія ямы и наполнялись что ни день. Когда не было ужъ очень жаркой перестрѣлки ночью, то солдаты чинили укрѣпленія, либо строили новыя. Объ нихъ я расскажу вамъ послѣ. Между ними и Малаховымъ былъ вырытъ глубокій ровъ, и по обѣимъ его сторонамъ навалена стѣной земля, такъ что наши могли ходить свободно въ этомъ рву; непріятель ихъ не видалъ за земляною стѣной. Владиміръ Ивановичъ Истоминъ распоряжался работами. Я отъ ребятъ слышала, что съ самаго дня, когда началась осада, онъ не снималъ мундира, а ужъ когда-когда отдохнетъ. Жилъ онъ на Малаховскомъ курганѣ и разъ,—было это великимъ постомъ,—ходилъ на эти новыя укрѣпленія съ кѣмъ-то переговорить, а какъ возвращался, такъ шелъ не во ровъ, а по самой насыпи. При немъ было двое сослуживцевъ, одинъ изъ нихъ и говоритъ ему: „Сойдите въ ровъ, вы здѣсь на виду, по васъ стрѣляютъ“. А онъ говоритъ: „все равно, отъ ядра не уйдешь“. Ужъ и впрямь не ушелъ: только успѣлъ онъ это слово вымолвить, ядро оторвало ему голову.

Остался, дѣтушки, Малаховъ безъ Истомина, что дѣтище безъ отца роднаго. Всѣ плакали, а ужъ

матросы-то и подавно. Павелъ Степановичъ несъ тѣло до могилы. Идетъ, мой голубчикъ, и слезы текутъ по щекамъ. Кому горе, а кому вдвое: вѣдь сколько лѣтъ служили они вмѣстѣ родной землѣ, и одинаково посылалъ имъ Богъ то свѣтлые, то черные дни. Подъ Синопомъ такъ отличались Истоминонъ и его молодцы, что Нахимовъ ужъ и не зналъ какъ благодарить товарища. Когда положили въ гробъ его тѣло, то покрыли флагомъ того самаго синопскаго его корабля, назывался онъ Парижемъ, а похоронили Владиміра Ивановича тамъ же, гдѣ Корнилова, во Владимірскомъ соборѣ. Первый тамъ легъ, года за три до войны, адмиралъ Михаилъ Петровичъ Лазаревъ. По его-то милости и былъ у насъ такой богатый флотъ на Черномъ морѣ. Грѣшно намъ забывать Лазарева. Потрудился онъ не мало ради матушки Россіи. Корниловъ, Нахимовъ и Истоминонъ были его ученики и души въ немъ не знали. Корнилова положили рядомъ съ нимъ, и тогда же Павелъ Степановичъ завѣщалъ, чтобъ его по другую сторону Михаила Петровича похоронить. А какъ убили Истомина, такъ онъ говоритъ: „такъ я его любилъ, что уступаю ему мое мѣсто, а самъ лягу въ ногахъ у моихъ друзей.“

— Подходилъ постъ къ концу. Всякому христіанину радость, а намъ, горемычнымъ, однѣ только слезы. Заключено у насъ было перемиріе, никакъ подъ исходъ шестой недѣли и провели рубежъ между нами и непріятелями. Пошли мы подбирать своихъ. Вдругъ видимъ: подлетѣлъ Французъ къ рубежу и письмо показываетъ. Офицеръ его принялъ. Вѣдь вы помните, что Георгіевскій-то монастырь былъ

въ плѣну. Нечѣмъ было братіи разговѣться и писали намъ оттуда, чтобъ мы прислали все нужное—праздникъ встрѣтить. Французъ взялся отдать намъ письмо и говорить офицеру: „если что желаете доставить въ обитель, мы все передадимъ“.

— Объ этомъ письмѣ разошелся слухъ по городу. Протоіерей Петро-Павловской церкви, отецъ Александръ взялся устроить это дѣло. Многимъ хотѣлось, чтобъ и ихъ лепта туда пошла, и стали доставлять батюшкѣ кто пшеничной муки и масла, кто яицъ, церковныхъ свѣчей и куличей да пасохъ. Когда все было готово, уложилъ онъ эту провизію на телѣжку и ждетъ. Въ Страстную субботу видимъ: выкинули бѣлый флагъ и сказываютъ, что у насъ перемиріе на все воскресенье. Ну, думаемъ: слава Богу, хоть Великій-то праздникъ встрѣтимъ безъ страха. Батюшка поѣхалъ сдавать свое добро. Принялъ его Французъ, и вдругъ взялъ яйцо, повертѣлъ его и говоритъ,—плохо онъ порусски говорилъ, а все понять можно было.

— „Красныя яйца—это цвѣтъ крови“.

А батюшка молвилъ въ отвѣтъ:

— „Да, не мало и льется что вашей, что нашей“.

Позволили солдатикамъ разгавливаться по домамъ. То-то была радость! У которыхъ бѣдняковъ своего крова не было, тѣхъ добрые люди позвали къ себѣ. Кромѣ того, въ субботу съ вечера наносили на бастіоны куличей, пасохъ и красныхъ яицъ да убрали все на укрѣпленіяхъ, вычистили ихъ и пескомъ посыпали.

Всего я напекла, нажарила и истопила печку, чтобы моему покойнику попариться. Понѣжился

онъ въ банькѣ-то, чистое бѣлье надѣлъ, а я этимъ временемъ вычистила его мундиръ да сапоги, и такимъ онъ бравымъ смотрѣлъ! Сама я принарядилась, и отстояли мы обѣдню въ приходской церкви. Когда вернулись мы домой, то разговѣлись, чайку напились, и мой Ефимъ Петровичъ вздремнулъ часокъ, потомъ ушелъ на свой бастіонъ, а я легла и такъ крѣпко заснула.

Вдругъ на зарѣ загремѣли непріятельскія пушки и полетѣли во все стороны снаряды. Ужъ мы ли не привыкли къ пальбѣ, а такой еще не слышали, развѣ только въ самый первый день бомбардированія. Да еще на бѣду разыгралась погода, заревѣла буря, морскія волны подымались что горы и хлынулъ дождь. Я выскочила на крыльцо, гляжу: весь городъ на ногахъ. Скачутъ взадъ и впередъ офицеры, передвигаютъ отрядъ солдатъ къ бастіонамъ, ѣдутъ повозки и фуры съ военными снарядами, а къ госпиталямъ несутъ раненыхъ. Загорѣлись вездѣ дома и бѣдные Севастопольцы такъ перепугались, что многіе спасались на Сѣверную. Кто обогнетъ мысокъ пѣшкомъ, а кто съ Божіею помощью найметъ яликъ да пустится по бухтѣ. Хотя въ ней волна непокойна, а не опасно,—не открытое море. Несли на рукахъ къ пристани дѣтей и больныхъ. Думала и я бѣжать, а боюсь: пожалуй попадешь изъ огня да въ пылыя. Такъ и осталась на власть Божію. Вернулась въ комнату и стала на молитву.

— И гремѣла эта страшная пальба, дѣтушки, съ цѣлую слишкомъ недѣлю день и ночь. На кладбище свозили цѣлыя груды изувѣченныхъ труповъ. Гос-

питали такъ наполнились, что кто хоть чуточку оправился, тѣхъ стали высылать въ другіе города. Такъ утомились наши солдатики, что еле на ногахъ стояли и не успѣвали они чинить укрѣпленій. Примутся за работу, а ядра такъ на нихъ и сыплются. Одинъ Господь знаетъ, какъ было тяжело это время переживать.

Вечеръ VІІІ.

— Нашъ Павелъ Степановичъ былъ назначенъ начальникомъ города и отдалъ опять приказъ, чтобъ женщины выбирались совсѣмъ изъ Севастополя, либо хотъ на Сѣверную уходили. Иныя точно ушли по-добру-по-здорову, а другія остались. Хотъ бы я, грѣшная, думаю: не покину я своего Ефима Петровича, пока силой не вышлютъ, такъ и осталась. А увидишь бывало Павла Степановича на улицѣ, такъ куда-нибудь спрячешься. Вѣдь онъ иныхъ точно высылалъ волей-неволей, а ужъ барынь и подавно. Онъ говаривалъ: „у матросокъ вѣдь здѣсь мужья, такъ ужъ я иной разъ и махну на нихъ рукой, а барыни-то изъ чего на бѣду напрашиваются? Можетъ ни у одной изъ нихъ нѣтъ своего родненькаго.“

— Ужъ и впрямь всегда была бѣда на порогѣ. Ляжешь здоровый, а не знаешь проснешься ли, либо тебя соннаго бомба поразитъ. Рядомъ съ нами жилъ отецъ Александръ, священникъ Петро-Павловской церкви: тоже на шестую либо на седьмую квартиру перебрался. При немъ были два сыночка,

одинъ годочковъ пяти, а другой постарше, да еще работникъ Еремѣй. Большинскій-то изъ дѣтей спалъ съ отцомъ, а маленькій съ этимъ самымъ Еремѣемъ въ корридорѣ, что былъ пристроенъ къ дому. Корридоръ былъ весь въ окнахъ и они уходили туда на ночь отъ жары. Такъ мы свыклись со снарядами, что они ужъ насъ не будили, а что другое зашумить, къ чему непривычны,—сейчасъ проснешься. Вотъ разъ давно ужъ всѣ улеглись, и отецъ Александръ крѣпко заснулъ, да вдругъ слышитъ—страшно крикнулъ его маленькій сыночекъ. Батюшка вскочилъ и бросился изъ дома. Ночь была темная, а онъ со страха и не сообразилъ, куда кинуться, бѣгаетъ по двору и кричитъ: „Еремѣй! Еремѣй! Огня“! А мнѣ что-то не спалось и слышала я, что по близости снарядъ въ стѣну ударилъ, а потомъ батюшка сталъ кричать. Накинула я что-то на плечи, зажгла свѣчу и побѣжала на сосѣдній дворъ. Вижу: стоитъ батюшка; лица на немъ нѣтъ, а около него лежитъ тѣло Еремѣя. Весь онъ, сѣрдечный, изувѣченъ, и рука у него оторвана. Отецъ Александръ очень его любилъ, а тутъ не взглянулъ даже на него, а бросился въ корридоръ и крикнулъ: „Коля“!—сыночка, значить, позвалъ. Я за нимъ, а свѣча-то такъ и пляшетъ въ рукѣ. Ребеночекъ былъ весь засыпанъ мусоромъ. Стали мы этотъ мусоръ разчищать. Батюшка бѣдный дрожить, и руки у него дрожать. Какъ разчистили все—видимъ лежитъ бѣдный Коля, что пласть, и кровинки нѣтъ въ лицѣ. Поднялъ его батюшка на руки, а онъ крикнулъ: „нога“! Глядь,

а у него нога-то висить словно плеть, значить оконтужена.

— „Я этого слова-то въ домекъ не возьму, бабушка“, сказалъ Николка.

— Что нога-то оконтужена? Вотъ видишь: иной разъ мимо человѣка пролетитъ снарядъ, и не задѣнетъ его, да такая сила въ снарядѣ, что не задѣнетъ, а кость раздробить. Кожа останется цѣла и крови не видать.

— „Что-то мудрено, бабушка, что не задѣнетъ человѣка, а раздробить кость“.

— Намъ съ тобой этого не понять, дитяtko, а знаю я, что оно такъ, потому что сама сколько разъ видѣла. Вотъ и Коля бѣдный былъ оконтуженъ. Батюшка отнесъ его къ себѣ на постель и какъ только занялась заря, нанялъ яликъ и переправился на сѣверную. Тамъ сбинтовали больную ногу и уложили ребенка въ больницу. Онъ, слава Богу, оправился.

— Какъ вернулся отецъ Александръ домой, такъ приказалъ омыть тѣло Еремѣя да одѣть его въ чистую рубашку, потомъ отслужилъ по немъ панихиду и отправилъ трупъ въ складъ.

— Проклятый снарядъ, что такихъ бѣдъ надѣлалъ—пробилъ сперва стѣну дома, потомъ упалъ въ кухню и печь въ ней раздробилъ. Какъ стали отчищать камни и мусоръ, чтобъ кой-какія вещи отыскать, такъ нашли руку бѣднаго Еремѣя. Его самого отбросило на дворъ, а руку-то его въ кухню.

— И что ни день, можетъ, что ни часъ творились такія страсти. А сколько на укрѣпленіяхъ гибло народа, объ этомъ и говорить нечего. Иной разъ

солдатикамъ станетъ ужь не въ мочь, — такъ ихъ начальники куражатъ. Какіе тоже были молодцы! Вотъ хоть бы Хрулевъ Степанъ Александровичъ, ужь безобидно сказать былъ онъ чудо-богатырь. Чуть приуныли ребята, онъ крикнетъ: „не выдавайте, благодѣтели,“ — такое у него любимое слово было, — да бросится въ огонь, и всѣ за нимъ. Говорили, что его хранить небесная сила и что вражьи снаряды не смѣютъ до него коснуться, и точно: видимо Господь его хранилъ. Иной разъ сыплются около него бомбы, что лѣтнія мухи, а онъ сидитъ на своей сѣрой лошади, и горя ему мало. Кричатъ ему солдаты, чтобъ онъ отъѣзжалъ, а онъ смѣется:

— Не всякая, говоритъ, бомба убьетъ.

Его и Французы знали, да и не его одного. Бывало во время перемирія они спрашиваютъ у нашихъ офицеровъ: „кто, молъ, командовалъ на такомъ-то бастионѣ, должно быть молодецъ! Ужь такъ-то насъ оттуда жарили!“ Вотъ и покажутъ имъ Хрулева, либо другаго кого-нибудь, и они ему честь отдаютъ, да показываютъ намъ своихъ начальниковъ-удальцовъ, — и наши ребята имъ подъ козырекъ. Смѣхъ да и полно!

Сказывала я вамъ, дѣтушки, что мы новыя укрѣпленія ставили: передъ Малаховымъ настроили еще бастионовъ. Вотъ какъ это дѣло смастерили. Еще подъ конецъ зимы выбрали темную ночь, вывели въ поле отрядъ и трудился онъ до разсвѣта, рукъ не покладая. Когда взошло солнышко, видитъ: непріятель новый редутъ, словно какой колдунъ его тутъ поставилъ. Да не совсѣмъ еще онъ былъ окон-

ченъ и Французы открыли по немъ сейчасъ огонь. Человѣкъ двадцать работниковъ изъ Камчатскаго полка были ранены или убиты. Въ честь ихъ и назвали его Камчатскимъ, а ребята звали его по-просту Камчаткой.

— Перенесли на него пушки и стали съ него стрѣлять въ непріятелей, а немного погодя въ сторонкѣ Селенгинскіе и Волынскіе полки выстроили еще новыя укрѣпленія. Ихъ такъ и назвали Селенгинскими и Волынскими. Всѣ эти редуты стояли впереди Малахова, потому и назывались они нашими передовыми укрѣпленіями.

— Сколько разъ нападали мы отсюда на непріятеля! Камчатка стояла къ нимъ ближе другихъ бастіоновъ и много видѣла она молодецкихъ вылазокъ. Чуть бывало ночью набѣгутъ облака на небо, отправятся ребята на добычу и жутко становилось подъ часть союзникамъ отъ Камчатки. Вотъ и задумали они ее у насъ отбить, и нечего сказать, лакомый былъ кусочекъ!

— Въ концѣ мая открыли они страшное бомбардированіе. Съ Малахова и на Малаховъ такъ и сыпались снаряды, а на передовыхъ укрѣпленіяхъ мало оставалось народа. Французы двинулись на нихъ штурмомъ, отбили у насъ Камчатку и ринулись къ Малахову. Тутъ встрѣтилъ ихъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ со своею командой и ударилъ по нимъ. Они бѣжали. Наши пустились за ними,—которыхъ взяли въ плѣнъ и отняли Камчатку назадъ. Да вдругъ скачетъ гонецъ къ Хрулеву: „Ваше, говоритъ, превосходительство, бѣда! Французы захватили Волынскіе и Селенгинскіе ре-

дуть“. Хрулевъ бросился туда, да къ непріятелю все прибывали новыя силы: набралось ихъ до сорока тысячъ, и страшный закипѣлъ бой. Много погибло нашихъ, а стояли солдатики пока не прилетѣлъ другой гонецъ и сказываетъ, что Камчатка опять у насъ отнята. Словно варомъ обдало нашихъ отъ этихъ словъ, и очень ужъ выбились свѣ изъ силъ. Стемнѣло на дворѣ. Мы отступили.

— Степанъ Александровичъ смотрѣлъ мрачнѣе ночи. „Нѣтъ, говорить, не доставлю я имъ такой добычи!“ и объявилъ онъ солдатамъ, что на зарѣ нападемъ на непріятеля и отобьемъ у него наши укрѣпленія. То-то обрадовались ребята! Да узналъ объ этомъ главнокомандующій князь Горчаковъ, и приказалъ сказать, чтобъ объ этомъ дѣлѣ и думать не могли. Большое было намъ тогда горе; смекнули мы, въ чемъ штука; князь-то разсчелъ, что противъ рожна не пойдешь, что отобьемъ мы сегодня укрѣпленія, а завтра непріатели возьмутъ ихъ опять: вѣдь сила соломѣ ломить. А ужъ если не можемъ мы укрѣплений удержать, стало и Севастополя не удержимъ.

— Каково было нашимъ солдатамъ, когда ихъ же пушки противъ нихъ загремѣли съ Камчатки! Даже и въ городѣ все пріуныло. За то выпалъ скорехонько и намъ свѣтлый денекъ. Хотя и много горя мы послѣ еще видѣли, а любо объ немъ поразсказать.

Помню, послалъ Господь чудную ночь: рай небесный стоялъ на землѣ, на морѣ тишь, а надъ нимъ звѣздочки такъ и блестятъ. Кто любовался Божіимъ міромъ, кто отдыхалъ. Лишь наши горе-

мычные матросы да солдаты отдыха не знали. Отпускали ихъ поочередно вздремнуть, да ужъ какой тутъ сонъ, когда сердце изныло да знаешь, что лишь только заведешь глаза, тебя на ноги поднимуть. Непріятель нѣтъ-нѣтъ да и выпалить, такъ что всегда стояли солдаты у пушекъ, а бывали и такіе, что отпустятъ ихъ соснуть, а они стануть на колѣни передъ иконою да и молятся, пока не позовутъ ихъ на смѣну.

— Какъ пропѣли пѣтухи, стали все чаще да чаще гудѣть французскія пушки, а на зарѣ посыпались на самый городъ залпъ за залпомъ съ непріятельскихъ кораблей, и вспыхнулъ въ пяти мѣстахъ пожаръ. Некому было его потушить: всѣ отставали укрѣпленія и разгулялся онъ по Севастополю что хозяинъ-большакъ. Добрался вдругъ огонь до склада, гдѣ лежали у насъ бомбы, начиненныя порохомъ, и взвился на воздухъ весь этотъ запасъ съ такимъ грохотомъ и трескомъ, что никто на ногахъ не устоялъ.

— Мы, женщины, на взрыдъ рыдали да молились. Какъ ужъ очень стало страшно, я схватила Ваню и пошла на пристань. Наша работница Марѳа тоже была съ нами. Наняла я яликъ перебраться на сѣверную, а сама все думаю: живъ ли мой-то? Устоитъ ли Севастополь? На Сѣверной приютила насъ въ свою лавченку старушка, что овощами торговала. Марѳа накормила Ваню, а вечеромъ уложила его спать, у меня же мысли отъ страха словно помутились, и во всѣ сутки не смыкала я глазъ и въ ротъ ничего не брала.

Цѣлые сутки ревѣла безъ умолку пальба и вдругъ

замолкла на зарѣ и загремѣлъ барабанный бой... непріатели шли на штурмъ.

— Съ одной стороны Французы ринулись на бастіоны, и наши корабли понеслись по бухтѣ и открыли страшный огонь. Бомбы взлетали къ верху словно стая птицъ. А съ другой стороны стали непріатели взбираться на Малаховъ курганъ. Загремѣли на нихъ наши пушки и полегли Французы рядами по склону горы, а которые остались на ногахъ, все подымались да подымались. По горѣ были разсѣяны домики, они опустѣли съ самаго начала осады. Ворвались въ нихъ удалцы и открыли по нашимъ ружейный огонь изъ оконъ. Нечего грѣха таить: сробѣли ребята... цѣлый отрядъ побѣжалъ. Да на встрѣчу ему прискакалъ Хрулевъ и крикнулъ: „стой, ребята! помощь идетъ“! Увидали его солдатики, застыдились и остановились словно вкопанные. А свѣжій отрядъ подошелъ и Степанъ Александровичъ крикнулъ опять: „за мной, благодарѣтели“! а они въ одинъ голосъ заревѣли: „навались“! ринулись за нимъ и разсыпались митомъ по кургану. Офицеры летѣли впереди съ саблями наголо. А Французы все стрѣляли изъ оконъ по самому Малахову бастіону, и бойко отстрѣливались солдаты, что на немъ оставались. Да падали они одинъ за другимъ: лежала ужъ среди бастіона груда тѣлъ, ужъ и начальникъ убитъ... Другой принялъ команду, а люди все убываютъ. Тутъ-то и подоспѣлъ Хрулевъ со своими молодцами. Они бросились на дома, взломали двери, разобрали крыши и вытѣснили непріателя. А его подкрѣпилъ свѣжій отрядъ, и пошелъ онъ опять на штурмъ. Засверкали штыки и заки-

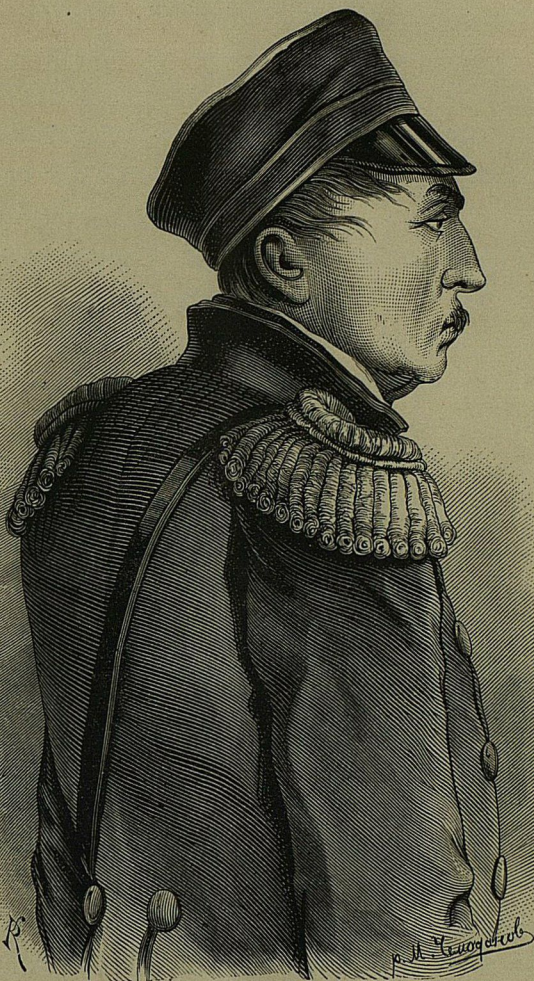
пѣлъ рукопашный бой. Пошатнулись Французы, подались назадъ, а наши все на нихъ наступаютъ. Не выдержалъ врагъ напора: бѣжалъ!... Отступилъ онъ тоже отъ перваго и втораго бастиона.

— Въ этотъ день думали союзники порѣшить со-
всѣмъ Севастополь и напали на укрѣпленія со
всѣхъ сторонъ. Пока отражали Французовъ, Англи-
чане двинулись на третій бастионъ. Да ихъ встрѣ-
тили такимъ огнемъ, что ихъ ряды перепутались,
смялись и бѣжали. А наши молодцы все по нихъ
стрѣляли и бѣглецы усѣяли трупами весь свой
путь. Со всѣхъ сторонъ былъ отбитъ штурмъ и
грянули ребята: „ура“!

Словно пеленой былъ еще одѣтъ Севастополь
облакомъ дыма, а выкинулъ ужъ бѣлый флагъ. На
этотъ разъ очень нахмурились Французы и никто
не слыхалъ отъ нихъ шутки. Что они, что Англи-
чане увозили фуры за фурами мертвыхъ и ране-
ныхъ. Да и у насъ въ этотъ день порядкомъ рас-
ширилось кладбище и наполнились госпитали.

А ликовали мы, дѣтушки, что въ Великій Хри-
стовъ праздникъ. Забыли все о своихъ трудахъ, а
раненные благодарили Бога. Раздавали вездѣ Егорь-
евскіе кресты и служили на бастионахъ молебны.
Радовались мы и не знали, что впереди все горе да
горе... Ну, ступайте спать, дѣтки. Завтра про него
расскажу.

Павель Степановичъ Нахимовъ.

Вечеръ IX.

— Бабушка, спросилъ на другой день Миша, когда Анна Демидовна собралась начать свой рассказъ,—а большая была сила у союзниковъ? Сколько примѣрно человѣкъ?

— Тогда царствовалъ во Франціи Наполеонъ Бонапартъ, родной племянникъ того, что приходилъ къ намъ въ 12 году, отозвалась старушка,—и кромѣ Англичанъ да Турокъ, когда война была уже въ разгарѣ, поднялъ еще Итальянцевъ. Никакой не держали они злобы на насъ, да общалъ онъ имъ большія выгоды, если они пойдутъ на Россію, и подъ конецъ-то считалось въ союзной арміи 160 тысячъ, а у насъ и третьей доли того не было. Итальянцы дрались тоже хорошо, а главой всего былъ Французъ:—онъ-то и одолѣлъ Севастополь.

— Матушка, ты говорила вчера, что перебралась со мной на Сѣверную, спросилъ Иванъ:—я что-то не помню, мы тамъ и остались?

— Нѣтъ, дитятко, какъ долетѣла до насъ радостная вѣсточка, что отбить штурмъ, я вернулась съ тобой и побѣжала прямо на укрѣпленія отца провѣдать, а тебя отдала Марѣѣ и велѣла ей идти домой.

Прибѣжала я на бастіонъ, а мой покойникъ меня встрѣчаетъ, веселый такой. Былъ ему пожалованъ Егорій. Много насъ туда сошлось матросокъ—которые плачутъ по мужьямъ, которые Бога благодарятъ, что ихъ мужья живы и здоровы.

Вдругъ явился Павелъ Степановичъ; а мы стояли въ кучкѣ, человекъ десять женщинъ, около своихъ, и хотѣли спрятаться, какъ его увидали. А Ефимъ Петровичъ говоритъ: „Ничего, онъ на радости никого не тронетъ“. И точно: примѣтилъ онъ, что мы сробѣли, засмѣялся и погрозился на насъ пальцемъ.

Онъ рѣдко который день не объѣзжалъ бастионовъ. Кто увидить его издали изъ матросовъ, тотъ молвить: „Ребята, отецъ нашъ ѣдетъ“. Разговаривалъ онъ бывало съ солдатами, шутки съ ними шутилъ; коли случится тутъ новичокъ, да пролетитъ надъ нимъ ядро или бомба, такъ онъ сейчасъ голову наклонить, а адмиралъ ему скажетъ: „Иль ты мнѣ, молодецъ, кланяешься? Нѣчто мы съ тобой не здоровались?“—и расхохочутся ребята. Говаривали они всегда, какъ ни горько подъ часъ приходилось, но за Нахименкой покойны, какъ у Христа за пазухой, и что пока Нахименко живъ, не сдадутъ Севастополя.

Въ Петровъ день были его именины, и собрались мы усердно помолиться за него. Всѣ его любили, а ужъ мы матроски и подавно: онъ намъ по мужьямъ былъ дорогъ. Наканунъ праздника, лишь только заблагоувѣстили ко всенощной, пошла я въ церковь. Выхожу на улицу и вижу — тамъ суматоха: кто бѣжитъ, кто размахиваетъ руками и что-то толкуетъ. „Батюшки, говорю, что приключилось?“ И сказываютъ мнѣ, что съ часъ предъ тѣмъ проѣхалъ Павелъ Степановичъ къ Малахову со своими адъютантами, а тамъ повели назадъ его лошадь, а адъютанты проскакали во весь опоръ Богъ вѣсть куда.

Такъ и замерло во мнѣ сердце. Побѣжала я къ укрѣпленіямъ, а кругомъ ужъ толпится народа видимо-невидимо. Всѣ плачутъ, кричатъ, что раненъ адмиралъ, а которые говорятъ: убить.

Продралась я сквозь толпу и вошла на Малаховъ бастіонъ, а тамъ стонъ стоитъ. Непріятель палить, а ребята бросили свои пушки и въ пригоршни плачутъ: на смерть, говорятъ, раненъ.

И ранили-то его у нихъ. Внутри бастіоновъ идетъ кругомъ *банкетъ*, по просту насыпь, чтобъ можно на нее подняться и смотрѣть изъ за вала. Павелъ Степановичъ влѣзъ на этотъ банкетъ и сталъ глядѣть на непріятельскія укрѣпленія. Командиръ бастіона, Кернъ по фамиліи былъ, пытался его уговорить, чтобъ онъ изъ-за вала не высовывался, а онъ все стоитъ да смотритъ. Хотѣлъ командиръ какъ-нибудь его удалить и молвилъ: „у насъ все-нощная идетъ; не угодно ли и вамъ ее отслушать“? Павелъ Степановичъ говоритъ: „идите, идите, и я за вами“, а самъ не шевельнется. Подъ конецъ онъ отошелъ, да на бѣду солдатъ сталъ на его мѣсто, увидалъ, что наша бомба упала въ кучу непріятелей, и догадало его: „ишь! говоритъ, какъ ловко зацѣпила“! Услыхалъ Павелъ Степановичъ эти слова и остановился на ходу, да вдругъ упалъ такъ скоро, что никто не успѣлъ его на руки принять. Пуля попала ему въ високъ.

— Перевязали рану и рѣшили отправить его на Сѣверную, подальше отъ пальбы. Тамъ его перенесли въ госпиталь. Что ни было докторовъ сошлись около него. Ни на комъ, говорятъ, лица не было, адмиралы да офицеры плакали, а народъ об-

ступилъ госпиталь и не расходился до поздней ночи. Грустно отпраздновали мы нашего именинника, и не было, кажется, въ Севастополѣ церкви, гдѣ не вынимали просвиры за его здоровье; а на другое утро узнали мы, что его не стало.

Анна Демидовна остановилась и утерла слезы. — Можетъ быть Господь прибралъ его вовремя, любя, начала она опять, помолчавъ немного. — Не пережилъ бы онъ, кажется, всего горя, что готовилось намъ впереди. Да намъ то очень ужъ больно было. Народъ сбѣжался толпами на пристань, какъ переправляли тѣло назадъ на Южную. Везли его на баркасѣ. У кормы стоялъ священникъ въ черныхъ ризахъ и держалъ крестъ. Всѣ снимали шапки и молились. У пристани адмиралъ Панфиловъ съ офицерами приняли покойника, отнесли въ домъ, гдѣ онъ жилъ, и покрыли флагомъ съ корабля, на которомъ онъ командовалъ въ день Синопскаго боя. Всѣмъ было позволено проститься съ нашимъ голубчикомъ, всѣ приходили и служили панихиду за панихидой. На другой день положили его въ гробъ и поставили въ головахъ три флага съ его кораблей. Вечеромъ его адъютанты отнесли тѣло въ Михайловскій соборъ. Два баталіона матросовъ и солдатъ стояли на улицѣ подъ ружьемъ, а народа-то, народа, столько сбѣжалось, что некуда было, кажется, яблоку упасть. Спустили флаги съ кораблей. Непріятель во все время церемоніи не стрѣлялъ: хотѣлъ уважить наше горе.

Какъ отошло отпѣваніе и запѣли: „пріидите вси любящии мя, и цѣлуйте мя послѣднимъ цѣло-

ваніемъ“, да стали матросы подходить попарно съ нимъ прощаться, такъ зарыдали они на весь храмъ..... и теперь сердце обливается кровью, какъ объ этомъ вспомнишь.

Потомъ отнесли его во Владимірскій соборъ,— онъ былъ еще тогда не достроенъ,—и опустили въ могилу возлѣ Лазарева, Корнилова и Истомина.

Осиротѣлъ Севастополь безъ нашего Нахименки, о матросахъ и толковать нечего: словно отца роднаго пришлось имъ хоронить. Тоскливо они смотрѣли. Опять же всѣ истомились цѣлыхъ десять мѣсяцевъ, сидя въ осадѣ либо въ казармахъ. Хотѣлось солдатамъ расходиться на просторѣ; такъ и рвались они въ бой. Вдругъ мѣсяць спустя послѣ похоронъ Павла Степановича объявили имъ, что поведутъ ихъ въ поле на непріятеля. Князь Горчаковъ хотѣлъ отбить у союзниковъ укрѣпленія, что они поставили на Оедюхиныхъ горахъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Севастополя, около Черной рѣчки. Не вспомнили себя отъ радости наши ребята, да не судилъ имъ Господь счастья.

— Бабушка, спросилъ Миша, — да какъ же можно было вести солдатъ въ поле, кто же бы этимъ временемъ защищалъ укрѣпленія?

— Солдаты, что защищали укрѣпленія, родимый, на укрѣпленіяхъ и остались. А на Сѣверной стояли еще наши войска. Для того ихъ тамъ и держали, чтобы въ сраженіе вести, когда потребуется, да тѣ полки замѣнять, что на укрѣпленіяхъ какъ воскъ таяли. Ну, какъ вышелъ приказъ главнокомандующаго, все приготовили, выступили на ночь, и

когда отошли порядкомъ отъ города, остановились, разложили огни и заварили ужинъ. Пошли что Богъ послалъ, потомъ улеглись вздремнуть, а поднялись еще до зари и подкрались къ неприятельскимъ укрѣпленіямъ.

Главнымъ командиромъ былъ назначенъ генералъ Рeadъ. Сказывали, что предъ зарей онъ лежалъ на травѣ и вдругъ спросилъ своего адъютанта: „съ которой стороны вы видѣли сегодня мѣсяцъ“? Адъютантъ отозвался, что видѣлъ его съ правой стороны, а генералъ ему на это: „а я съ лѣвой: говорятъ, это не хорошо“. Ужь и впрямь ему не поздоровилось въ этотъ день.

Генералъ Липранди повелъ первый своихъ молодцовъ въ атаку. Живо бросились они на гору, опрокинули Итальянскій отрядъ, что на ней стоялъ, взяли батареи и стали съ нихъ палить.

Этимъ временемъ Рeadъ началъ атаку на другую гору и тѣмъ погубилъ все дѣло: ему бы дожидаться, пока подойдутъ резервные полки на подкрѣпленія, а онъ поторопился. Да поплатился дорого за свою оплошность: головой легъ на Черной. Не даромъ видѣлъ онъ мѣсяцъ съ лѣвой стороны.

— Анна Демидовна, спросилъ одинъ изъ гостей,—что такое резервные полки?

—Такъ называютъ, сказала старушка,—тѣ полки что не вступаютъ прямо въ бой, а держатъ ихъ въ запасъ на всякій случай. Понадобится помощь — они тутъ. Имъ приказано было идти вслѣдъ за арміей, а генералъ Рeadъ ихъ не дождался. Двинулъ онъ своихъ на гору, и они влетѣли на нее

мигомъ и опрокинули Французовъ. Даже сами непріатели говорили послѣ, что диву давались, глядя на нашихъ ребятъ: узнали какіе полки такъ отличились и записали ихъ имена. Да къ Французамъ подошли свѣжія силы и они оттѣснили опять нашихъ. Завязался бой у подножія горы. Врагъ напиралъ: не въ мочь стало нашимъ; солдатъ бросился къ генералу Рeadу.

— Ваше, говоритъ, превосходительство,—дайте, ради Христа, резервы: непріатель совсѣмъ одолѣлъ.

А генераль молвилъ: „да не подошли еще резервы“.

А бой все продолжался. Вдругъ раздался крикъ въ рядахъ: „помощи“! и все падаютъ наши одинъ за другимъ, а помощи все нѣтъ какъ нѣтъ, а къ непріателю подходятъ опять свѣжія подкрѣпленія.

Ужъ подъ конецъ явились резервы. Посылали къ нимъ на встрѣчу ихъ поторопить, и пустились они бѣжать, не переводя духа. Да ужъ поздно: не осталось и половины отъ нашихъ полковъ. Убить генераль Рeadъ, генераль Веймаръ, и другіе начальники убиты. Резервы двинулись съ обѣихъ сторонъ на непріателя, да ужъ очень они умялись бѣжавши, и ихъ мигомъ оттѣснили. Они ринулись опять впередъ, а непріатель выставилъ противъ нихъ еще новыя батареи. Смялъ онъ наши ряды, подавилъ ихъ.... Затрубили мы отбой, значить ужъ впередъ податься нельзя, приходится, отступать, пропало дѣло.

Больно было взглянуть на нашихъ солдатиковъ, когда вернулись они въ Севастополь. Ни на комъ лица не было. Потянулись фуры съ убитыми да

съ ранеными, а на другой день загремѣло страшное бомбардированіе. Даже и по ночамъ оно не умолкало.

Вечеръ X.

Не даромъ говорятъ, что Севастополь — мученикъ городъ. Одиннадцать мѣсяцевъ стоялъ онъ подъ вражьею пальбой, и не затихала она развѣ только во время перемирія. А настоящихъ бомбардированій было шесть. Вѣдь это не то, что пальба обыкновенная, когда громятъ ядрами крѣпость. Ядро летитъ прямо и разбиваетъ стѣны укрѣпленій, потому оно и называется стѣнобитнымъ орудіемъ. А въ бомбардированіи выпускаютъ бомбы. Онѣ летятъ вверхъ, да полукругомъ и разсыпаются по всему городу. На нихъ не скупились никогда союзники; не было дня, чтобъ они насъ ими не угощали, оттого и было въ городѣ столько несчастныхъ случаевъ. А во время бомбардированія-то выпускаютъ тысячи бомбъ, да безъ перемежки, да день и ночь по нѣскольку сутокъ сряду.

Обыкновенно бомбардируютъ городъ передъ штурмомъ, чтобъ его разорить, да пока еще осажденные не успѣли опомниться и все въ порядокъ привести, нападутъ на нихъ. Какъ посыпятся, что дождевыя капли, бомбы, такъ и ждутъ штурма. Союзники бомбардировали такъ Севастополь съ самаго начала, да приступъ не удался, потому что мы у нихъ взорвали пороховой погребъ, и

взрывъ много имъ бѣдъ надѣлалъ. Потомъ еще, какъ отбили они штурмомъ наши передовыя укрѣпленія; въ другія же бомбардированія, видно, была имъ опять какая неудача, что на штурмъ они не пошли. Когда бомбардировали они въ послѣдній разъ, какъ совсѣмъ-то насъ одолѣли, такая страсть была, что думали никто въ живыхъ не останется, и только мы молили, что: Господи, прими наши грѣшныя души съ миромъ.

— Къ тому времени Французы подошли къ намъ на двѣнадцать съ половиною саженой. Вѣстимо, что и имъ отъ этого не легко было, вѣдь и мы тоже не давали спуска непріятелямъ. Вздумали они устроить противъ насъ новую батарею, а мы палили по рабочимъ. Иной еще не успѣлъ приняться за дѣло, а ужъ его подкосило снарядомъ что снопъ. Плѣнные французы сказывали потомъ, что ихъ начальство платило тройное жалованье рабочимъ, чтобъ шли на эту батарею.

Да вѣдь у союзниковъ-то войска было въ волю, а наши горемычные совсѣмъ изъ силъ выбились. Опять-же стали мы нуждаться въ снарядахъ, такъ что было разочтено, сколько въ сутки можно выпустить бомбъ, а непріятель бросалъ ихъ къ намъ безсчетно.

Южная сторона совсѣмъ опустѣла: бродили люди лишь на улицахъ, что ближе къ большой бухтѣ, а на другихъ не уцѣлѣло ни одного дома, не осталось живой души, и летѣли день и ночь снаряды. На укрѣпленіяхъ ходила ходуномъ смерть, да и кромѣ того что погибло людей. Въ Александровскихъ казармахъ жилъ матросъ съ женой да

съ двумя дѣтьми. Они были еще маленькіе, и спали на одной кровати съ матерью. Разъ мужъ ушелъ, а она улеглась съ дѣтьми. Вдругъ бомба упала на крышу, пробила четыре этажа и очутилась въ подвалѣ. Тамъ она подкатилась подъ кровать и подняла ее вверхъ.

А то еще за день до битвы на Черной служили обѣдню въ Михайловскомъ соборѣ. Въ подвалѣ лежало пудовъ восемьдесятъ свѣчей; бомба пробила крышу и разразилась среди подвала. Стѣны храма задрожали: которыя иконы сорвались. Взорвало землю около храма, она полетѣла густыми клубами въ открытыя окна и осыпала священника. Долго потомъ находили церковныя свѣчи на сосѣднихъ дворахъ.

Приказало тогда начальство перенести соборные престолы въ Николаевскія укрѣпленія,—каменное было зданіе у морскаго берега, въ цѣлую полуверсту и такое прочное, что, говорятъ, его одного во всемъ городѣ не пробивали снаряды. Очистили тамъ два каземата нижняго этажа и въ самый день Преображенія Господня священники въ полномъ облаченіи вышли изъ собора со св. Дарами. За ними несли иконы, кресты, хоругви и всю церковную утварь. Ихъ провожалъ народъ. Я тоже грѣшная тутъ была, и не мало мы поплакали. Поютъ божественныя слова, а ихъ не слышать за свистомъ да грохотомъ снарядовъ. Вдругъ взвилась бомба надъ самымъ ходомъ... Всѣ остановились и ждутъ.... Бомба все спускается... все ниже, да ниже... а мы на нее смотримъ. Я чай у всѣхъ замирали сердца.

Вдругъ ее разорвало въ воздухѣ съ страшнымъ трескомъ, и ходъ двинулся опять.

Какъ мы не сжились съ снарядами, ихъ подъ конецъ такое множество летало по улицамъ, что и намъ стало страшно. А вѣдь иныхъ и страхъ не проберетъ. Захотѣлось мнѣ взглянуть, цѣль ли нашъ домъ; вотъ и дождалась я перемирія. Пошла, а улица-то что пустыня какая: словно все вымерло. Прихожу на Артиллерійскую слободку; оттуда ужъ давно всѣ выбрались. Домъ нашъ стоитъ, и вижу, словно кто-то промелькнулъ около забора. Стала я вглядываться: наша сосѣдка. Я подошла и говорю ей: „Неужто ты, Кузминишна, о сю пору здѣсь осталась, да еще съ малыми дѣтьми? Ужъ видно очень ты бодрa“. Она говоритъ: „осталась на власть Божию, какъ есть одна здѣсь осталась, — всѣ ушли. Да ты не на меня дивись, а пріютилась было ко мнѣ матроска Авдотья,—такъ ужъ та подлинно удалецъ! Привела она съ собой своихъ свиней; разбредутся онѣ, бывало, а она пойдетъ вечеромъ ихъ собирать; далеко зайдетъ: прямо подъ снарядами бродить. Стану я ее уговаривать: „что ты это, молъ, Авдотья, иль ты изъ-за свиней души своей не пожалѣешь?“ А она говоритъ: „чего бояться-то? Пусть онѣ себѣ стрѣляетъ, мнѣ до него дѣла нѣтъ.“

Наше житіе становилось совсѣмъ плохо. Купцы боялись запасаться провизіей, потому неизвѣстно было, что на завтра Господь пошлетъ, и все страшно вздорожало: сахаръ былъ по семидесяти пяти копѣекъ. Разоренье да и полно! А ужъ пуще всего нуждались мы въ водѣ. Вѣдь морскую - то

воду пить нельзя: она соленая и горькая. Непрі-
ятель захватилъ всѣ источники. Оставался послѣд-
ній колодезь, но онъ стоялъ такъ близко къ Фран-
цузамъ, что за водой-то надо было идти подъ
пулями. За ней ходили одни каторжники, и прода-
вали ее по пятидесяти копѣекъ ушатъ.

Послѣ Черной мы всѣ смекнули, что нашему
дѣлу не выгорѣть, а начальство-то ужъ давно ду-
мало, какъ бы отступить арміи, когда придется
оставлять городъ, и заказанъ былъ мостъ черезъ
бухту, въ цѣлую почти версту, съ Южной стороны
на Сѣверную. Много на него пошло и денегъ, и
хлопотъ.

— Зачѣмъ же этотъ мостъ, бабушка? спросилъ
Николка.

— Коли оставляютъ городъ, мой голубчикъ, зна-
чить уступаютъ его врагу, и всѣ, кто въ немъ оста-
нутся обыватели и армія либо помереть до послѣд-
няго человѣка должны, либо плѣнниками непріятеля
быть. Потому и рѣшили, чтобъ всѣ наши ушли,
и оставили бы городъ пустой.

— Да вѣдь и безъ моста, бабушка, можно было
перебраться съ Южной на Сѣверную?

— Можно, что моремъ, что сухимъ путемъ, да не
цѣлой арміи и не въ такое время. Вѣдь это дѣло
надо было въ тайнѣ держать, а не то непріятель
открылъ бы по насъ огонь, пока мы отступали.
Потому и переправлялись мы ночью, да переправ-
лялись то не по одному только мосту, а на паро-
ходахъ, на катерахъ, да на яликахъ, и то до утра
пробились. А не будь моста надо бы на переправу
можетъ цѣлыхъ трое сутокъ, такъ что скрыть-то
ее и не удалось бы.

Больше мѣсяца подвозили лѣсъ, пилили бревна, и все готовили, а на другой же день послѣ перваго Спаса стали строить мостъ. Онъ былъ весь на плотахъ. Надъ нимъ работали сто человѣкъ. Ужъ какъ помогались непріатели его разорить, еще пока онъ строился. Каждая сутки пускали они въ него круглымъ счетомъ по пяти сотъ ядеръ, а мостъ все росъ себѣ да росъ. Въ Успенье, послѣ обѣдни, его освятили.

Помню я, на другой день взорвали мы пороховой погребъ, что Французъ поставилъ на Камчаткѣ, и какъ диковинно было дѣло-то. Сказывала я вамъ, что мало у насъ оставалось военныхъ снарядовъ, и приказано было съ каждой батарее постольку-то бомбъ выпускать. Ночью проснулся одинъ изъ батарейныхъ командировъ и спрашиваетъ: „много ли съ такого-то часу послали мы бомбъ непріятелю?“ Докладываютъ, что девять, и Богъ вѣсть причинила ли имъ хоть которая-нибудь какой вредъ. А онъ говоритъ: „ну, валяй еще одну, чтобъ полный десятокъ былъ“.

Выпустили еще бомбу, и она попала въ пороховой погребъ. Ужасъ, какой былъ взрывъ! Еслибъ, кажется, кто небывалый такъ померъ бы со страха. А мы-то ко всему были ужъ привычны.

— Ну, дѣтки, расходитесь, спать пора“.

— Что жъ ты, бабушка, сегодня мало рассказывала? спросилъ Николка.

— Да ужъ рассказъ-то мой къ концу идетъ, отозвалась старушка,—а конецъ такой горькій, что и вспомнить о немъ больно. Дайте съ духомъ собраться, а завтра приходите опять.

Вечеръ XI.

Становилосьъ часъ отъ часу не легче, начала на слѣдующій вечеръ Анна Демидовна.—Наши бѣдные солдаты исхудали, изнурились, да и приуныли. Цѣлыхъ почти одиннадцать мѣсяцевъ защищали они грудью Севастополь, и видятъ, что подспорья имъ нѣтъ, и что не нынче, такъ завтра осилить ихъ врагъ.

На укрѣпленіяхъ столько разъ пересыпали землю, что стала она настоящей пылью, а мѣстами разрыхлѣла отъ крови. Больше всѣхъ досталось Малахову, потому что стоялъ онъ ужъ очень близко къ непріятелямъ. Верхняя часть башни была разрушена, а земляныя-то его укрѣпленія совсѣмъ ужъ стали плохи. Лишь починатъ ихъ кое-какъ, ударить въ нихъ ядро, и опять рассыпается все въ прахъ, да и людямъ-то достанется порядкомъ. Вѣдь тутъ въ землѣ камни, да зарылись пули, ядра, и какъ разлетятся—кого ударить въ руку, въ ногу, кого въ голову. У всѣхъ почти были лица въ крови и глаза землей засыпаны. А на дворѣ стояла такая жара, что страсть. Опять же пушки наши были повреждены и штыки исковерканы,—что ужъ очень ими поработали.

Непріятель зналъ, что людей у насъ мало, что намъ плохо приходится и разсчелъ, что теперь намъ не устоятъ если нападетъ онъ на насъ всѣми своими силами. Вотъ и открылъ онъ шестое бом-

бардированіе на самый день Московскаго Святителя Петра митрополита *.

Какъ проглянула заря, полился огонь что рѣка. Полетѣли во всѣ стороны камни, груды земли и человѣческіе трупы. Такой стоялъ дымъ, что не видать изъ-за него было солнца. Отъ пущенныхъ бомбъ загорѣлся одинъ изъ нашихъ кораблей и пламя взвилось надъ моремъ что огненный столбъ. И на морѣ пожаръ и въ городѣ то здѣсь, то тамъ загорится. Попала бомба въ пороховой складъ и такой былъ взрывъ, что нѣсколько пушекъ взлетѣли на верхъ что пукъ соломы, и упали въ толпу людей. Крѣпостныя валы обваливались на груды убитыхъ и раненыхъ. Не воздухомъ дышала грудь, а дымомъ, не роса омывала землю, а кровь. Въ эти дни, дѣтушки, видѣли мы сущій адъ на землѣ.

Въ больницахъ которые изъ нашихъ солдатиковъ стали только ноги передвигать, бросились къ бастіонамъ. Куда не посмотришь, мелькаютъ носилки съ ранеными, а у пристани тѣсняются фуры со страдальцами. Таяло наше войско что свѣча передъ иконой. Что ни сутки около четырехъ тысячъ человѣкъ ложились въ госпиталь либо въ могилу.

Днемъ поочередно обѣдали и отдыхали, а по ночамъ всѣ были на ногахъ, потому съ минуты на минуту ждали штурма. Наши горемыки такъ умаялись, что прислонятся куда попало, обнявши ружье, да такъ и спать. Ужъ и горюшка не было

---

* 24-го августа.

о томъ, что ихъ сонныхъ ядро поразить, — лишь бы только удалось вздремнуть маленько.

Трое сутокъ ревлѣло день и ночь бомбардированіе, и обыватели совсѣмъ истомились этимъ временемъ: чуяли что всему конецъ. Ни на что руки не подымались. То и дѣло бѣгали мы, матроски, на укрѣпленія. Вѣдь не знаешь, гдѣ смерть найдешь, а тамъ хоть своего провѣдаешь, хоть пособишь кому-нибудь: воды что-ли раненому подашь, либо лежитъ онъ сердечный и стонетъ, а на него трупъ повалился. Возьмешь за ноги мертваго, оттащишь его, а раненаго сдашь доктору, либо сестрѣ милосердія; вѣдь онѣ тутъ неотлучны были.

Скажу вамъ, дѣтушки, какое знаменіе явилъ тогда Господь: стоялъ на главномъ госпиталѣ высокій крестъ и издали онъ сіялъ. Словно боялись его вражьи снаряды, что остался онъ невредимъ во все время осады, и ребята говорили, что пока простоить крестъ, простоить и Севастополь. Среди канонады бывало взглянуть они на него, перекрестятся и молвятъ: Богъ милостивъ! А въ эти послѣдніе дни посматрѣлъ солдатъ на госпиталь и дрогнуло въ немъ сердце. Такъ онъ и вскрикнулъ: „Ну, братцы, наше дѣло пропало: крестъ снесенъ“! Нашихъ молодцовъ словно варомъ обдало отъ этихъ словъ, и скорехонько они сбылись.

— На четвертые сутки, — было это на другой день послѣ Владимірской Божіей Матери — * сказыва-

---

* Срѣтеніе иконы Владимірской Божіей Матери празднуется 26 августа.

ли, что съ зари до полудня выпустили на Севастополь восемьдесят тысячъ снарядовъ. А въ полдень все вдругъ замолкло и ударили тревогу. Мы поняли и перекрестились: штурмъ!

Пошли на насъ стѣной Французы. Шитые ихъ мундиры горѣли огнемъ на солнцѣ, а сами смотрѣли они таково браво. Запалили на нихъ наши пушки. Которые падали рядами, а другіе тотчасъ смыкались, и ринулись они разомъ на Малаховъ и на другіе еще бастіоны, а Англичане на третій.

Грянулъ онъ всѣми своими пушками. Оторопѣли было непріатели: ужъ очень ихъ много подкосило сразу, и спутались ихъ ряды. Какъ крикнули начальники, стали они опять строиться въ строй и двинулись на приступъ. Бросили они надъ ровомъ свои перекидные мосты, взобрались на валъ, смяли наши ряды, ворвались на бастіонъ и крикнули по своему: „ура!“ А имъ въ отвѣтъ загремѣло наше „ура“! Свѣжій отрядъ молодцовъ ринулся на нихъ съ ружьями на перевѣсъ, и завязалась схватка. Много тутъ легло Англичанъ, остальные бѣжали, а наши пускали имъ въ слѣдъ пули, ядра, камни. Непріательскіе командиры привели опять своихъ въ порядокъ: ихъ полки бросились на бастіонъ и овладѣли имъ, да мы ихъ опять вытѣснили и взяли полтора ста человѣкъ плѣнныхъ. Англичане спустились въ третій разъ въ ровъ, да съ высоты вала посыпались на нихъ камни и пули. Непріатели бѣжали къ своимъ траншеямъ и оставили на пути много раненыхъ и мертвыхъ.

Этимъ временемъ Французы посыпались что муравьи въ ровъ второго бастіона, перескочили

черезъ валъ и оттѣснили нашихъ, да не на долго. Примчался, спасибо, генераль Сабашинскій съ своими стрѣлками и живо опрокинулъ непріятелей. Ихъ ряды спутались, да мигомъ опять выстроились и напали на насъ. Молодецки шли они впередъ подъ нашимъ огнемъ. Тутъ-то, что стоя вороновъ по небу понесли наши пароходы по бухтѣ, и запалили изъ своихъ пушекъ. Служили они матушкѣ Россіи свою послѣднюю службу. Подались назадъ Французы, а все еще стоятъ. Нѣсколько разъ они бросались на Малаховъ, и все были отбиты. Подъ конецъ одинъ изъ ихъ командировъ полетѣлъ первый на приступъ, всѣ ринулись за нимъ. Очутились они мигомъ во рву. А наши ужъ успѣли вскочить на валъ и забросали ихъ камнями, ядрами и осколками бомбъ. Полилась въ ровъ горячая кровь и раздались въ немъ крики и стоны. Которые изъ непріятелей не задѣты были и тѣ двинуться не могли: на нихъ падали мертвые и раненые и давили ихъ. Не скоро освободились они бѣдные отъ труповъ своихъ братьевъ, да отъ раненыхъ и пустились бѣжать. А наши ужъ зарядили опять свои пушки и не дали Французамъ добратся до своихъ траншей, а уложили ихъ на мать сыру - землю.

На 5-й и на 6-й бастіонъ тоже напали Французы, и тоже были отбиты. Да главный-то пунктъ Малаховъ, и на него двинули они страшныя силы.

— Ну, что жъ, бабушка, крикнулъ Николка, — отбили они его у насъ?

Старушка подняла веретено, которое выпало у нея давно изъ рукъ, и грустно молвила:

— Отбили, родимый, да ужь завтра расскажу я вамъ, какъ они одолѣли и Малаховъ и Севастополь.

Вечеръ XII.

Въ этотъ вечеръ Анна Демидовна не принималась за свою прялку и не скоро начала рассказъ, когда собрались гости на постоянный дворъ. Бѣдная старушка собиралась съ силами.

— Лишь только пошли на штурмъ, молвила она, — подъ конецъ Французы побѣждали подъ нашими бомбами къ Малахову, и накинулись на него что орлы. На курганѣ ихъ встрѣтилъ поручикъ Анкудовичъ со своею командой въ шестьдесятъ человекъ. Всѣ легли на мѣстѣ. Одинъ Анкудовичъ остался живъ, да и то раненъ, а непріатели разсыпались по бастіону и распустили надъ башней свое знамя. Сказывали разъ при мнѣ охотники, какъ ходили они на медвѣдицу, и какъ встрѣтила она ихъ въ логовищѣ, гдѣ кормила своихъ медвѣжатъ. Такъ-то и наши встрѣтили врага. Завязался у подножья башни страшный, рукопашный бой; что было подъ рукой то и пошло въ дѣло: штыки, топоры, лопаты, кирки, банники, камни. Всѣ обѣзумѣли. Топтали подъ ногами убитыхъ и раненыхъ. Непріятельскій отрядъ прижалъ къ стѣнѣ горсточку нашихъ. У нихъ не оставалось ни одного патрона, а сдаваться они не хотѣли, и разстрѣляли ихъ, сердечныхъ, одного за другимъ. Къ непріятелю все подходили свѣжія силы.

Поручикъ Юній съ тридцатью матросами бросился въ башню. Для входа было пробито узкое отверстіе въ стѣнѣ. Оттуда Юній и его ребята осыпали пулями Француза. Онъ долго отстрѣливался и наши все не сдавались. Подъ конецъ непріатели выдвинули пушку передъ самымъ входомъ башни и выпустили гранату. Наши ее залили водой. Полетѣла другая, разорвалась и многихъ ранила, а ея осколокъ погасилъ лампаду, что висѣла въ углу передъ иконой, и самую икону задѣлъ. Взглянули на нее матросы и молвили: „не передъ добромъ!“ Видитъ Юній, что половина его людей лежатъ въ крови, а Французы заряжаютъ опять пушку. Дѣлать было нечего: приходилось сдаваться. По его приказанію солдатъ навязалъ на ружье тряпку, что оставалась тутъ отъ перевязокъ, и выставилъ ее въ двери,—значить показывалъ непріателямъ бѣлый флагъ. Они остановились; а наши говорятъ: „мы ваши плѣнные.“

Около кургана кипѣла борьба: пошли мы на приступъ отбивать Малаховъ. Къ непріателю еще подошли свѣжіе отряды; гдѣ у нихъ десять чело-вѣкъ, тамъ у насъ одинъ, и ложились наши что подкошенные колосья. Совсѣмъ они оторопѣли и хотѣли ужъ отступать, да подскакалъ Хрулевъ со своими молодцами, держалъ онъ въ рукѣ икону Спасителя, и крикнулъ: „Благодѣтели, хоть не за мной, а за Нимъ!“ Бросились впередъ ребята и живо влетѣли на курганъ. Вдругъ измѣнился въ лицѣ Хрулевъ: злодѣйка пуля ранила его въ руку. А онъ прищипорилъ лошадь, а здоровою-то рукой зажалъ рану. Да не успѣлъ проскакать пяти ша-

говъ и ядро оконтузило его въ голову. Пошатнулся онъ на сѣдлѣ. Адъютанты его поддерживали и увезли къ пристани, чтобъ переправить его на Сѣверную. Команду принялъ другой,—и онъ убить, а тамъ еще одинъ, и того не стало. Ребята кричатъ: „Дайте командира! ведите насъ!“ А вести-то ихъ ужь некому.

Этимъ самымъ временемъ пріѣхалъ князь Горчаковъ взглянуть на укрѣпленія, а мы только что отбили всѣ приступы съ другихъ бастіоновъ. Наши удалцы его окружили, прогремѣли: „ура“, и стали просить у него командировъ, чтобъ отбить и Малаховъ. А князь взглянулъ на укрѣпленія, и видно сердце у него дрогнуло: вездѣ обвалились валы, мертвые и раненые лежали грудами, а вся земля побагровѣла отъ крови. Зналъ онъ, что не нынче, такъ завтра придется намъ отдать Севастополь, что нѣтъ у насъ больше снарядовъ, да нѣтъ и людей, и что понапрасну будетъ еще литься кровь. Не позволилъ онъ новаго нападенія на Малаховъ, и отступили наши къ своимъ бастіонамъ.

Прошелъ часокъ другой, а солдатики все ждутъ, что отдохнуть маленько, соберутся съ новыми силами и поведутъ ихъ командиры на Малаховъ, да вдругъ проскакали по всѣмъ укрѣпленіямъ гонцы и объявили распоряженіе главнокомандующаго: приказано готовиться къ отступленію; въ ночь надо было переходить на Сѣверную.

Зарыдали ребята, какъ это услышали. Ужъ очень имъ обидно было смириться передъ врагомъ, отдать ему родной Севастополь и не заплатить-

ся за кровь братьевъ. Бросились они къ своимъ пушкамъ и обняли ихъ на послѣднее прощаніе.

Объявлено было войскамъ, чтобъ они собирались къ ночи на площадь, увозили съ собою все только что можно, а что не захватятъ то истребляли бы. Которыя пушки заклепали, чтобъ ужъ нельзя было изъ нихъ стрѣлять, которыя сбросили въ море. Да и самимъ солдатикамъ не любо было оставлять непріятелю все, что строили сами въ потѣ лицъ, да что омывали своей горячей кровью, и стали они заваливать рвы, срывать валы, рубили, кололи,—разрушали все. Чтобъ не видалъ непріятель нашего отступленія, оставляли нѣсколько сотенъ солдатъ на укрѣпленіяхъ перестрѣлку поддерживать, пока станетъ войско переправляться черезъ мостъ, а потомъ и имъ приказано было уходить. Итакъ, устроили, чтобы мостъ снять, какъ всѣ пройдутъ, а то бы непріатели пустились за нами.

— А какъ же сняли мостъ, матушка? спросила Дарья.

— Онъ былъ не сплошной, а изъ шести участковъ: къ каждому прикрѣпили длинный канатъ, а другой-то конецъ каната лежалъ на берегу. Какъ всѣ прошли, такъ и стали съ берега тянуть участки: у всякаго каната по сто человѣкъ стояли. Такъ и разобрали скорехонько мостъ.

Ничего не оставили мы непріятелю: бери, что захватилъ,—пусть! а ужъ сами ничего ему не отдали. Все уже давно было готово на случай, чтобы взорвать укрѣпленія да пороховые погреба. Для

этого дѣла выбрали матросовъ смѣльчаковъ и приказали имъ все поджечь, лишь только дадутъ имъ знать, что окончилась переправа черезъ мостъ и что солдаты, оставленные для перестрѣлки, собираются уходить. Городъ горѣлъ и справа и слѣва отъ непріятельскихъ снарядовъ, и мы разжигали пожаръ. А флотъ? Пусть погибнетъ онъ отъ нашихъ рукъ, лишь бы не опозорилъ его чужой флагъ. Еще родимый-то нашъ Платонъ Степановичъ приказалъ пробить бока кораблямъ и заткнуть до поры-до времени пробоины, и матросамъ, что оставались на морѣ, вышелъ приказъ потопить корабли.

— А тѣ что для взрывовъ оставались, какъ они ушли, бабушка, коли мостъ-то былъ снятъ? спросилъ Миша.

— Мысокъ обогнули. Вѣдь трудно войску переходить съ пушками, а тутъ была всего горсточка людей. Иные даже въ городѣ остались среди ада кромѣшного, да и то ихъ Господь спасъ. Нѣсколько дней тамъ жили, а послѣ перешли на Сѣверную, и сказывали, что Французовъ встрѣчали и тѣ ихъ не трогали. Кому какую судьбу Богъ пошлетъ.

Ничего я не знала о всѣхъ распоряженіяхъ. Я вамъ сказывала, что сначала бомбардированія разносили мы солдатамъ квасъ и воду. И во время штурма мы тутъ были. Скользишь въ крови и только про себя молитву читаешь. Штурмъ былъ во всемъ разгарѣ, какъ вдругъ вижу я, что загорѣлось на нашей сторонѣ, и какъ разъ померещилось мнѣ, что моя квартира горитъ. Себя я не вспомнила и пустилась бѣжать. Думаю себѣ: что,

коли на грѣхъ Марѳа куда отошла, да Иванушка остался одинъ! Бѣгу, земли не чую подъ собой. Прибѣжала, вижу горить домовъ за пять отъ насъ и вѣтеръ дуетъ не къ намъ. Ужъ больно я этимъ временемъ умаялась, да и бѣжать мнѣ пришлось не въ ближній край, такъ что ноги у меня какъ есть отымались. Увидала я, что все у насъ благополучно, да упала на кровать и таково-крѣпко заснула.

Долго я проспала, до самаго вечера. Вдругъ слышу, кто-то меня зоветъ. Открыла я глаза: стоитъ предо мной мой покойникъ. „Жена, говорить, иди къ пристани, бери сынишку, найми яликъ, а не достанешь—такъ ступай къ мосту; часа черезъ два уходимъ на Сѣверную. Оставляемъ Севастополь!“ Самъ плачетъ. Лицо у него все почернѣло отъ дыма да отъ копоти, и какъ покатится слезинка, такъ оставитъ бѣлую струйку на щекахъ. Такъ я и крикнула: „что ты, родимый! Сбыточное ли дѣло Севастополь оставлять!“ „Оставляемъ, говорить, ступай къ пристани,“ — да въ дверь. Я вижу онъ на ногахъ шатается, схватила полуштофъ съ виномъ и бросилась на крыльцо. У самаго крыльца стояла лошадь и Ефимъ Петровичъ ужъ занесъ ногу въ стремя. Подала я ему вина: онъ выпилъ глотковъ пять: „спасибо, говорить, въ горлѣ совѣмъ пересохло“, и ускакалъ.

— Ужъ послѣ-то онъ сказывалъ, что и такъ у него сердце изныло, да и по насъ онъ измучился. Поговаривали, что дадутъ знать обывателямъ объ отступленіи, чтобъ и они выбрались изъ города,

да вѣдь въ такой суматохѣ пожалуй кого и забыть могли. А покойнику моему никакъ отъ своего дѣла отойти нельзя. Да ужъ вечеромъ послали его къ пристани съ приказаніями отъ начальства, и пришлось ему мимо насъ ѣхать.

Какъ только ускакалъ онъ, сняла я со стѣны икону Спасителя,—ту самую, что теперь въ кивотѣ стоитъ—надѣла на шею мѣшочекъ съ деньгами, а Марѳа завязала на всякій случай въ узелокъ остатки обѣда, и сошли мы втроемъ со двора.

На улицахъ и на площади такія страсти дѣлались, что и рассказать нельзя. Со всѣхъ сторонъ взвивался огонь, переводили лошадей, перевозили фуры, пушки, телѣги, переносили раненыхъ, и народъ-то, народъ такъ и валилъ къ пристани и къ мосту. Шумъ, гамъ: кто кричитъ, кто рыдаетъ, кто изъ раненыхъ стонетъ, а снаряды такъ и летятъ по небу.

Вышли мы за ворота и говорю я Марѣ: „хозяинъ сказывалъ, что будутъ переправлять часика черезъ два, а пристань-то отъ насъ близехонько; мы еще успѣемъ сосѣдей оповѣстить, что оставляемъ городъ: можетъ которые и не знаютъ. Обѣжали мы сосѣдніе дома: иные были ужъ пусты, а въ другихъ оставались еще жильцы,—и точно: не всѣ они знали о сдачѣ Севастополя.“

Ну, пришли мы къ пристани. Ужъ и сама не знаю какъ продралась чрезъ толпу. Видимъ—ялики и катеры отчаливаютъ и биткомъ набиты. Такое меня горе разобрало.

— „Нѣтъ ли, спрашиваю, свободного ялика“? Говорятъ: нѣтъ-теперь ужъ ни одного не найдете,

всѣ разобраны. Что дѣлать? Пошли мы къ мосту. Тамъ тѣснится народъ и никого не пропускаютъ: солдаты стоятъ: ждите, молъ, пока дойдетъ до васъ очередь.

Собрались всѣ къ мосту, когда пѣтухи пропѣли, и стали переправляться. Сперва провозили раренныхъ, тамъ проѣхали пушки, провели лошадей и повалили полки, а ужъ обыватели прошли послѣдніе. На мосту давка, суматоха, страсть! Онъ подавался отъ тяжести такъ, что подымалась вода почти до колѣнъ. А то вдругъ кто-нибудь со страха крикнетъ: тонемъ! Всѣ бросятся назадъ, собьютъ другъ друга съ ногъ, перепугаютъ лошадей, а онѣ станутъ на дыбы. Гамъ и шумъ такой, что голова трещитъ. Погода стояла ненастная, шелъ дождь, а снаряды такъ и свистали надъ нами. Не разъ, я чай, всякій прочелъ про себя молитву. А какъ обернешься да взглянешь на Севастополь, такъ замираетъ сердце, что и страхъ забудешь. Сколько пролилось за него неповинной крови да легло удалыхъ головъ, и отдавали мы его во вражьи руки!.. На Малаховѣ горѣли огни, тамъ Французъ ликовалъ....

Часамъ къ шести вышли мы на берегъ. Вдругъ загремѣлъ взрывъ и задрожала земля, словно живая. Взлетѣлъ на воздухъ бастіонъ, потомъ другой, и запылалъ весь городъ, а тамъ въ бухтѣ тонули наши корабли....

Заплакала старушка и замолчала. Всѣ сидѣли около нея, понурия головы.

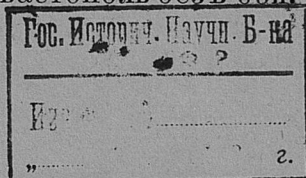
— Цѣлыхъ двое сутокъ не вступалъ Французъ въ Севастополь, начала она опять, — все боялся

взрыва. А на Сѣверной обыватели кое-какъ пристроились, гарнизонъ же началъ оттуда перестрѣливаться съ непріателемъ, хотя и лѣнливо, потому что ужъ дѣло было покончено, а какія оставались еще постройки въ Севастополѣ—разрушены отъ нашихъ выстрѣловъ. Считалось въ немъ до войны тысячи двѣ домовъ, а когда мы въ него вернулись, оказалось лишь только четырнадцать.

Мѣсяца четыре послѣ сдачи города, заключили миръ. Говорятъ, что начальники знали напередъ, когда мы еще и укрѣпленія не строили, что рано ли, поздно ли, а придется намъ покинуть Севастополь.

— А если они это знали, бабушка, сказалъ Николка,—такъ ужъ лучше бы сдать его безъ боя; по крайности не лилось бы даромъ столько христіанской крови.

— Не даромъ она лилась, мой родимый. Слыхала я, что давно-давно, когда еще зачиналась Святая Русь, пошли мы походомъ на враговъ, а враги насъ окружили. Пришлось погибать либо сдаваться безъ боя въ плѣнъ. Собралъ нашъ воевода свою рать и молвилъ: „Ляжемъ всѣ костью: мертвымъ срама нѣтъ“. Переходило съ тѣхъ поръ это слово отъ отца къ сыну, и крѣпко держались его Русскіе люди. Оттого мы и не отдали Севастополь безъ боя.

Дозволено цензурой. Москва, 30-го Марта 1881 года.

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стран. строка.</i>		<i>Напечатано.</i>	<i>Должно читать.</i>
31	5	да кулаками	да уперся кулаками
32	15	На дорогѣ	На дворѣ
33	27	перебивались	перебирались
34	5	подъ заборомъ	подъ соборомъ
36	2	а эти были	и эти горы были
36	16	пойдетъ прямо	пойдетъ прямо на нихъ
37	24	а они и	а они ее
54	23	Не мало и	Не мало ее
55	30	съ цѣлую	цѣлую
59	30	видить:	видить
61	8	свѣ	всѣ
61	10	Не доставлю	Не оставлю
64	15	выкинулъ	выкинули
66	18	Но за Нахиминкой по- койны	Что за Нахиминкой они по- койны
67	14	Кернъ по фамиліи былъ, пытался	(Кернъ по фамиліи) пытался
67	32	адмиралы	адъютанты
83	6	Собрались	Явились
86	10	въ потѣ лицѣ	въ потѣ лица
87	9	Платонъ	Павелъ

Run n 41 857.

